

**Академии наук
Польши и России,
университеты,
высшая школа,
научные учреждения и
общества**

История
польско–российских отношений
в сфере науки

Москва 2010

Российская академия наук
Комиссия историков России и Польши
Институт славяноведения

Академии наук Польши и России,
университеты, высшая школа,
научные учреждения и общества:
история польско–российских отношений
в сфере науки

Тезисы

Москва 2010

Программа фундаментальных исследований ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов» (Секция истории)

Направление 1.

Социальные трансформации и конфликты Нового и Новейшего времени в сравнительно-исторической перспективе

Проект: Исторические формы международного взаимодействия в процессе формирования наций и национального самосознания (воздействие инонационального влияния, доминирования, порабощения и исторические пределы национальной эмансипации) в Центральной и Восточной Европе (XVII–XX вв.)

*Ответственный редактор член-корреспондент РАН Н.А. Макаров,
составители. О.С. Кашианова, Б.В. Носов*

Академии наук Польши и России, университеты, высшая школа, научные учреждения и общества: история польско-российских отношений в сфере науки. Тезисы. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. 109 с.

В сборнике представлены тезисы докладов польских и российских ученых к предстоящей в 2011 году очередной международной научной конференции Комиссии историков России и Польши, посвященной истории развития науки и просвещения в обеих странах и в странах Центральной и Восточной Европы в XIX – начале XXI веков. В центре внимания авторов сотрудничество ученых России и Польши в области исторических и гуманитарных наук, а также институциональные формы научного взаимодействия российской и польской науки в их непосредственной связи с системами народного просвещения и высшего профессионального образования, представленные, в частности, такими научными учреждениями как Академии наук и университеты. Особое место принадлежит анализу сотрудничества научных сообществ России и Польши во второй половине XX века и в наши дни, когда на первый план все больше выходят процессы интернационализации науки, главной движущей силой которых в обеих странах выступают Российская и Польская академии наук.

ISBN 978-5-7576-0220-2

© Институт славяноведения РАН, 2010

© Авторы

© Переводчики

От составителей

В предлагаемом вниманию читателей сборнике представлены тезисы докладов к предстоящей в 2011 году очередной международной научной конференции Комиссии историков России и Польши. Конференция пройдет в Институте истории науки ПАН в Варшаве и в Гуманитарной академии в Пултуске. Тема ее вынесена в заглавие настоящего сборника. Объединение в рамках одной темы академической науки и высшей школы отнюдь не случайно. Вся история мировой науки, начиная от Платона и Аристотеля, была неразрывно связана с просвещением, с подготовкой специалистов высшей квалификации. И даже когда научные и учебные центры были разделены институционально, эта связь не прерывалась на уровне совместной научной работы наставников (научных руководителей) и учеников (студенчества). В современных условиях значение этих связей, роль объединенного потенциала академической и университетской науки только возрастают, что не раз было подчеркнуто как на авторитетных научных форумах, так и в высказываниях ответственных представителей власти.

Сфера культурного взаимодействия и разносторонние научные связи России и Польши уже многие годы находятся в центре внимания Комиссии историков наших стран, а их изучение принадлежит к приоритетным направлениям ее работы. Разумеется, их рассмотрение невозможно без обращения к проблемам истории народного просвещения, без учета влияния общественно–политических факторов и контекста, обусловленного развитием как культуры обеих стран, так и европейской и мировой культуры в целом. Развитие просвещения и науки является также существенным показателем состояния общества и отражением важнейших тенденций его развития.

История научных связей России и Польши охватывает столетия. Начало их институционального оформления приходится на XVIII век, когда наука в наших странах становится самостоятельной сферой общественной деятельности, когда создается Российская академия наук, а ее иностранными членами становятся польские ученые – правовед Г. Ленгних, литератор Ю.Е. Залуский и Станислав Август Понятовский (как историк). Мемуары последнего, главным вопросом которых стали размышления над причинами упадка Польши и разделов шляхетской Речи Посполитой, представляют собой в полной мере историческое сочинение.

С XIX века научные контакты России и Польши приобретают всеобъемлющий характер, и с этого же времени они неразрывно связаны с народным просвещением в наших странах. Развитие науки и просвещения в России и в Польше было связано и имело немало общих черт с аналогичными процессами в других странах и у других народов Центральной и Восточной Европы, которым также посвящен ряд представленных тезисов. Сопоставление общих черт, а также присутствующих этим странам и народам особенностей, позволяет, применяя методiku сравнительно-исторического анализа, как выявить существенные закономерности, так и учесть присутствующие в процессах развития просвещения и науки национальные особенности и региональное своеобразие.

В целом сборник посвящен периоду с начала XIX века и до наших дней, которому уделяется главное внимание на предстоящей конференции. В публикуемых тезисах авторы рассмотрели ряд важнейших проблем, среди которых стоит вопрос о создании и развитии государственных систем народного просвещения в России и в Польше, а также особенностям их сосуществования в рамках Российской империи. Обращаясь к проблемам истории народного просвещения, авторы выделили его роль как орудия внутренней и национальной политики российских властей, как одного из решающих факторов совершенствования форм государственного управления, как движущей силы технологической и общественной модернизации. В связи с этим укажем на материалы, посвященные техническому и профессиональному образованию в России, в Польше и в Венгрии.

Вторая группа проблем связана с историей российских и польских университетов XIX – начала XX веков, с исследованием их особенностей в сравнении с университетами Западной Европы, с изучением взаимоотношений университетов и государственной власти, с исследованием роли университетского общественного движения и движения студенчества в целом в общественной жизни России и Польши.

Особое место в представленных тезисах принадлежит проблеме роли науки (научной историографии) и образования (церковного и университетского) для формирования западнорусской идентичности в последней трети XIX века. В связи с исследованием историографической школы М.О. Кояловича конца XIX – начала XX веков в тезисах на примере Западных губерний (Западного края) Российской империи была поставлена проблема соотношения в сознании территориальных сообществ региональных и национальных элементов.

Сотрудничество российской академической науки XIX – начала XX веков было представлено в материалах, посвященных деятельности польских ученых – исследователей Сибири – и, в частности, их месту польских ученых в российском востоковедении. Примечательно, что эта тема неразрывно связана с историей польской ссылки в Сибири и с участием польских ссыльных в просветительской деятельности на востоке Российской империи. Важно отметить, что эти научные связи с установлением в России Советской власти и с восстановлением независимой Польши, хотя и ослабли, но не прерывались и получили развитие на протяжении всего XX столетия. Это же можно сказать и о других научных и гуманитарных связях между российской и польской наукой, просвещением и культурой в двадцатилетие между двумя мировыми войнами, что также отмечено в представленных тезисах.

Особое место в публикуемых тезисах принадлежит связям научных сообществ России и Польши во второй половине XX века и в наши дни. В этот период на первый план все больше выходят процессы сотрудничества, главной движущей силой которого выступают Российская и Польская академии наук. Однако нельзя не указать, что авторами уделено также внимание взаимодействию региональных польских и российских университетов (Вроцлава, Казани, Воронежа и др.), а также поиску на современном этапе новых форм и созданию новых центров научного сотрудничества, ориентированных, в частности, на развитие связей между молодыми учеными России и Польши.

О.С. Каштанова, Б.В. Носов

Г.В. Макарова (Москва)

**Реформы системы образования
в Российской империи в начале XIX в.
и ее польская составляющая**

Распространение идей Просвещения в странах Европы вело к расширению понимания значения образования для развития общества. Важнейшим элементом просветительской программы являлось введение всеобщего обучения детей и молодежи. Результатом реформирования системы образования должен был стать постоянный рост грамотности и образованности населения – условие, необходимое для повышения эффективности развития различных сфер жизни общества и, прежде всего, хозяйственной и военной. Сохранялся, естественно, и конфессиональный аспект.

Для осуществления всеобщего обучения требовалась организация соответствующей образовательной системы – создание сети школ, способной охватить весь контингент детей учебного возраста. В России вопрос о введении всеобщей начальной школы неоднократно поднимался на протяжении XVIII в. Так, Екатерина II, видя отсталость подвластной ей империи от стран Западной Европы, предприняла попытку улучшить систему образования, опираясь на помощь И.И. Бецкого. 1 сентября 1763 г. был обнародован манифест об учреждении созданного по плану Бецкого Московского воспитательного дома. В Петербурге открылось «Воспитательное общество благородных девиц» (Смольный монастырь), также вверенное его попечению. В 1765 г. Бецкой стал также шефом Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Значительную часть огромных богатств, которыми наградила его императрица, оценив его заслуги, он употребил на развитие воспитательных учреждений.

Еще раз за дело реформирования образования Екатерина II принялась почти двадцать лет спустя, в 1780-е гг. Во второй половине XVIII в. образцовым типом школы считался прусский. По нему были реформированы и австрийские училища (1774 г.). В 1782 г. в России была создана «Комиссия об учреждении народных училищ», которая должна была, руководствуясь этими же принципами, подготовить соответствующие нормативные акты и план реформы народного просвещения. По просьбе русской императрицы из Австрии был прислан Ф.И. Янкович-де-Мириево, серб по национальности. Иосиф II рекомендовал его «как человека, трудившегося уже по устройению народ-

ных школ, знающего язык российский и исповедующего православный закон». В 1782 г. он прибыл в Россию и вошел в состав Комиссии об устройстве училищ, которую возглавлял будущий первый российский министр народного просвещения П.В. Завадовский. В итоге был утвержден Устав об училищах (1786 г.), которым предусматривалось три типа общеобразовательных народных школ: малой – двухклассной; средней – трехклассной и главной – четырехклассной. В школах могли обучаться дети разных сословий, за исключением помещичьих крестьян, однако для каждого из основных сословий устанавливалась собственная образовательная система. Проблемами высшего образования комиссия не занималась. К концу века главные народные училища были открыты во всех губернских городах, а в ряде уездных и малые.

Развитию образования в Польше способствовала деятельность Эдукационной комиссии, бывшей Речи Посполитой Различия в организации систем обучения и в образовательном уровне населения Российской империи присоединенных польских земель были весьма значительны. Приехав в Россию в конце XVIII в. Адам Е. Чарторыйский, принадлежавший к высокообразованной части польской аристократии (впоследствии ставший крупным российским и польским государственным и политическим деятелем), заметил, что до правления Александра I «нельзя было себе представить ничего ничтожнее и хуже состояния народного образования». Однако у Чарторыйского были и другие впечатления – в круг его общения входили светские образованные люди. Так, он вспоминал, например, об «особенностях» дома графа Строганова: «Граф, живший долгое время в Париже, усвоил там навыки, которые представляли резкую противоположность с его старыми московскими привычками. В его доме говорили о Вольтере, о Дидро, о парижском театре, обсуждали достоинства картин великих мастеров, собранных графом в своем доме в большом количестве – и, наряду с этим, здесь же накрывался огромный стол, и к обеду являлись гости без всякого приглашения, прислуживала целая вереница рабов». Молодежь из высших слоев как русского, так и польского общества имела возможность получать образование за границей. Что касается создания университетов в самих странах, то здесь виден огромный хронологический разрыв: если Краковский университет был основан в 1384 г., то аналогичное учебное заведение в России появилось только тремя столетиями позже, а первый российский университет – Московский – в 1755 г. Его основатель М.В. Ломоносов выдвигал также мысль о создании и предшествоую-

шей ступени обучения – гимназий, которые могли бы готовить для университета будущих студентов. Но эти вопросы касались обучения на высшем и на среднем уровне, которое предназначалось для верхнего слоя общества – дворянства.

В начале XIX в. ко времени Александровских реформ злободневным был вопрос об обучении более широких слоев населения. В «Негласном комитете», состоявшем из узкого круга приближенных к государю лиц, в который входил и А.Е. Чарторыский, разрабатывались проекты ряда существенных реформ, в частности и в области образования. Далекое не случайно в числе первых созданных тогда министерств было Министерство народного просвещения (1802 г.). Само его название свидетельствовало о чрезвычайно широких задачах, которые перед ним ставились – в соответствии с изданным манифестом министерство имело целью «воспитание юношества и распространение наук» («Министерство народного просвещения ведает все ученые общества, академии, университеты, все общие учебные заведения, исключая духовные, военные и те училища, кои особенно учреждены для образования юношества к отдельной какой-либо части управления»), при этом «дела духовные» были отделены от просвещения, (позднее, в 1817–1824 гг., Министерство народного просвещения входило в состав единого Министерства духовных дел и народного просвещения). В соответствии с реформой в империи создавались 6 учебных округов, в центре каждого из которых должен был находиться университет.

В числе других был учрежден Виленский учебный округ (1803 г.), в состав которого вошли Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Киевская, Подольская и Волынская губернии. Куратором (попечителем) округа стал князь А.Е. Чарторыский, большим влиянием в сфере образования пользовался также ректор Виленского университета Иероним Стройновский. По указу 1804 г. создавались четырехлетние уездные училища, одноклассные и двухклассные приходские. Основу системы народного образования в округе составили учебные заведения, существовавшие еще в XVIII в., в том числе и организованные в связи с деятельностью Эдукационной комиссии. А.Е. Чарторыский хорошо понимал, какую роль могло играть образование в формировании мировоззрения подрастающего поколения. Ведя большую работу по Министерству иностранных дел, тем не менее, он с немалым желанием принялся за исполнение обязанностей куратора Виленского учебного округа. Общаясь с Александром I, он постоянно подчеркивал свои польские патриотические чув-

ства, и неоднократно, в случаях несогласия с внешней политикой императора по польскому вопросу, подавал ему прошения об отставке с поста руководителя внешнеполитического ведомства, но при этом всегда оставлял за собой пост куратора учебного округа. А.Е. Чарторыскому удалось укрепить польскую ориентацию в системе образования Виленского округа, во всех учебных заведениях которого преподавание велось на польском языке, даже первоначально в русскоязычных.

Созданию польских учебных заведений содействовала в финансовом плане и польская шляхта западных губерний. Дворянство охотно давало средства на все необходимые нужды, возникавшие при их организации.

Серьезное внимание уделялось подбору преподавательских кадров, особенно в Виленском университете и Волынской (Кременецкой) гимназии – ведущих польских учебных заведениях округа. При рассмотрении кандидатур профессоров и учителей учитывались два основных момента: профессиональная квалификация и политические убеждения – преподаватели обязательно должны были быть польскими патриотами. Требовалось сочетание высокого уровня знаний, чтобы дать учащимся качественное образование, и патриотических позиций, чтобы оказать соответствующее влияние на формирование умонастроений учащихся.

Виленский учебный округ, в сущности, стал польским округом. Российское правительство, следуя за либеральными настроениями Александра I, и прежде всего сам император, уступая в этом пожеланиям Чарторыского и других деятелей–поляков в Виленском округе (прежде всего Тадеуша Чацкого, а также профессуры Виленского университета), не вполне отдавали себе отчет в том социально–политическом воспитательном значении, которое могли иметь образовательные учреждения для настроений молодежной среды. Речь шла, естественно, о шляхетских слоях, а именно эти слои были в основном представлены польским элементом. Создававшиеся в рамках Российской империи на территории ее западных губерний образовательные учреждения были таким образом ориентированы на потребности местной польской шляхты, и тем самым в какой-то степени здесь были частично реализованы принципы, впоследствии определенные как элементы культурно–национальной автономии.

Виленскому округу принадлежало первое место в Российской империи по количеству учебных заведений. Достигнутый в округе прогресс в деле народного просвещения, в частности успехи Волын-

ской гимназии, стали возможны благодаря сотрудничеству с Гуго Коллонтаем и другими деятелями Эдукационной комиссии времен шляхетской Речи Посполитой 1770 – начала 1790-х гг. Таким образом, хотя и частично, идеи той комиссии нашли воплощение на территории уже Российской империи. Либеральная политика российского правительства по отношению к полякам в начале XIX в., в частности, в сфере образования в западных губерниях, стремление привлечь польскую шляхту на свою сторону, при недовольстве поляков его политикой в целом, не достигли поставленных целей и не оправдали надежд правящих кругов Петербурга. Польская шляхта в канун войны 1812 г. продолжала надеяться на поддержку Наполеона в деле восстановления польского государства.

Неблагонадежность поляков в западной части империи вызвала опасения российского правительства. В числе предупредительных мер было проведено расследование деятельности Т. Чацкого и руководимой им гимназии в Кременце. Во время похода наполеоновской Великой армии на Москву, когда французские войска заняли Вильно, многие тамошние университетские профессора оказались в созданном в Литве наполеоновском правительстве.

Барбара Ендрыховская (Вроцлав)

**Между лояльностью и порядочностью.
Школьная администрация под управлением
императорского Виленского университета
(Свислочь 1824–1825 гг.)**

В утвержденных Александром I в 1803 г. «Предварительных правилах народного просвещения» были определены принципиальные основы российской системы образования: ее структура, типы и ступени школ, программы обучения, а также средства финансирования. На основании этих же правил империя была разделена на 6 учебных округов во главе с университетами. В округах создавались губернские школы (гимназии) и уездные начальные училища. Государственная система народного просвещения строилась по иерархическому принципу административной подчиненности низших ступеней – высшим.

Из бывших земель Речи Посполитой, включенных в состав России в результате разделов конца XVIII в., создавался Виленский

учебный округ. Он был тогда самым большим и по территории, и по количеству учащихся и школ, особенно средних. Округ продолжал двухсотлетние традиции польской системы образования и объединял 8 губерний. Попечителем округа и посредником между университетом и министерством просвещения в Петербурге стал Адам Ежи Чарторыйский, который оставался на этом посту свыше 20 лет. Вильно и Виленский университет являлись в этот период главным просветительским и культурно–созидательным центром на пространстве так называемых «забранных земель».

Ректор университета нес ответственность не только за свое учебное заведение, но также за все школы на территории целого округа в административных, финансовых, педагогических и дисциплинарных вопросах. В чрезвычайной ситуации он даже имел право вызвать войска. Директора гимназий, старательно подобранные и назначаемые университетом обычно из числа преподавателей, были в своих губерниях представителями его власти. Формально университету подчинялись и школы на территории округа. В подавляющем большинстве директора гимназий имели университетские степени и практику в системе образования, а важным критерием при их отборе и назначении были их университетские достижения. Подбирая директоров гимназий, университетские власти также связывали с ними определенные ожидания, прежде всего, в надежде на их способность разрешать конфликты, и, следовательно, поддерживать спокойствие и порядок в учебных заведениях вверенной губернии.

С 1805 г. ведущей школой в Гродненской губернии стала гродненская гимназия в Свислочи – частновладельческом городке в имениях Тышкевичей. По прошествии недолгого времени в ней уже был полный набор шести классов (два низших и четыре высших). Основателем и в большой степени спонсором гимназии был владелец городка граф Винцентий Тышкевич. Он выделил для нее два отремонтированных деревянных здания вместе с землей и домами для учителей, а также средства на ее содержание. Тышкевич взял на себя обязательство провести в гимназии капитальный ремонт, а в будущем построить новое, более просторное здание.

1824–1825 гг. были необычными и переломными для всего округа. Этот трудный период открыли волнения в виленской гимназии 3 мая 1823 г., которые повлекли за собой лавину последствий. Начало им было положено приездом в Вильно Н.Н. Новосильцева для проведения следствия. В результате проводимых обысков, очных ставок и подписываемых признаний были выявлены более ранние, неле-

гально действовавшие в Виленском университете союзы молодежи – филоматов и филаретов. Были раскрыты также возникшие в 1819–1820 гг. среди учеников старшего класса свислочской гимназии «Научное общество» и «Моральное общество», созданные для самообразования и досуга учащихся и распущенные по окончании учебы. Теперь, по прошествии нескольких лет, выпускников собрали в Вильно, держали под арестом, подвергли допросам и, не умея доказать вины, наказали единственно оплатой издержек процесса. Однако последствия этих событий значительно ощутили их учителя и директор гимназии. Одновременно во многих средних школах в связи с делом виленских студентов раскрывается череда «заговоров» молодежи, среди прочих, в Крожах, Кейданах, Ковно, Поневеже и во многих других местах.

Проводимое Новосильцевым следствие продолжалось около года, в итоге он составил подробный рапорт для в. кн. Константина, послуживший основой для приговора филоматам и филаретам, утвержденного Александром I в июле 1824 г. Развернутая властями кампания преследований тайных обществ среди учащихся существенно отразилась на жизни молодежи в целом, а также на педагогах и на администрации учебного округа.

В октябре нового 1824/1825 учебного года в атмосфере неуверенности и страха после недавних событий, в Свислочи раскрывается очередной «заговор» двух учеников пятого класса. Поскольку на виленском следствии уже были выявлены существовавшие ранее в губернской гимназии тайные общества, то на этот раз были предприняты исключительно крайние меры, несоизмеримые с провинностью уличенных учеников. Меры эти были направлены против начальника школы, против учителей и против учеников целого класса. Директор свислочской гимназии Г. Крусиньский пытался защитить молодежь от суровой кары за необдуманый «проступок», квалифицированный им как «юношеская выходка», значение и последствия которой ученики якобы не сознавали. Одновременно он демонстрировал перед университетскими властями решительность и строгость в пресечении действий и наказании виновников.

В 1824–1825 гг. оставили свои посты и были заменены возглавлявшие учебный округ попечитель А.Е. Чарторынский и ректор Виленского университета Юзеф Твардовский. Многие директора гимназий, в их числе Г. Крусиньский, оказались тогда перед трудным выбором между лояльностью по отношению к высшим властям и человеческой порядочностью. В гимназиях были ужесточены правила

внутреннего распорядка для преподавателей и учеников. Учебная документация и служебная переписка должны были вестись на русском языке, учащиеся были обязаны носить мундир (что ранее не всегда соблюдалось). Вводились новые репрессивные уставы, изменения в программах обучения, усиливалась цензура. В отчетах гимназий вводилась рубрика о проступках учителей. Эти и ряд других мер имели целью убедить российские власти в строгости администрации Виленского университета и усыпить их бдительность. Одновременно данные ограничения должны были предотвратить подобные проступки учеников, благодаря чему они могли бы и дальше учиться в польских школах – в возможности этого тогдашнее руководство университета еще было убеждено.

Перевод с польск. Ольги Каштановой

Л.П. Марней (Москва)

Специальное и профессионально–техническое образование в России и Королевстве Польском в первой половине XIX в.

Переход к индустриальному обществу сопровождается трансформациями во всех сферах экономики, политики, культуры. Начало промышленного переворота, рост старых и возникновение новых отраслей промышленности, железнодорожное строительство требовали решения одной из главных проблем – подготовки грамотных и высококвалифицированных инженеров, рабочих, специалистов среднего звена. При этом, если в промышленных странах Западной Европы (в Англии и во Франции) квалифицированные кадры рабочих, мастеров, техников готовились преимущественно на производстве, то в Центральной и Восточной Европе эта функция выпала в большей мере на долю учреждений профессионального обучения.

Активная внешняя политика, внутренние реформы не всегда позволяли выделить достаточно средств на организацию специализированных учебных заведений, система которых в России и Королевстве Польском стала складываться во второй половине XIX в., в эпоху буржуазных реформ и ускоренного развития капитализма. В начале же столетия возникали только предпосылки для ее становления. Высшим учебным заведениям в этой системе соответствовали академии, институты и университеты технического профиля. Средним и низ-

шим – промышленные, технические, горные, судоходные, землемерные, сельскохозяйственные, медицинские, художественные, театральные, музыкальные училища и школы¹. Вместе с тем их появление отражало весьма важные процессы развития общественного разделения труда и специализации в сфере производства и культуры.

Одним из главных направлений модернизации в Российской империи и в Королевстве Польском становится в начале XIX в. реформа начального образования. В результате школьной реформы 1804 г. в Российской империи начальную профессиональную подготовку должны были обеспечить специальные (профессиональные) классы и дополнительные курсы при общеобразовательных учебных заведениях, реальные гимназии. Специальные промышленные, сельскохозяйственные, коммерческие навигационные классы или реальные курсы, получившие широкое распространение в 1830–1840-е гг., были открыты при Керченском, Рижском, Тульском, Калужском, Тверском, Смоленском, Владимирском, Рязанском, Владимирском в Петербурге, Екатерининском, Нижегородском, Шадринском, Одесском, Нарвском, Либавском и других уездных училищах. При гимназиях создавались классы коммерческие, земледелия, межевых работ, по подготовке землемеров и таксаторов, а также реальные классы или курсы с преподаванием практической химии, механики, рисования, черчения, технологии, специальные лесные классы для подготовки лесничих и их помощников².

В Королевстве Польском в 1817 г. сначала в Варшаве, а затем и в других городах создавались воскресно-ремесленные училища. В четырехклассных уездных училищах Королевства можно было получить либо классическое, либо реальное (техническое, коммерческое, агрономическое) образование. Также на последних трех курсах общих гимназий ученики могли выбирать между классическим и реальным образованием. Одновременно с дополнительными классами и курсами создавались реальные гимназии, которые наряду с общим образованием давали и профессиональную подготовку. Единственной реальной гимназией, которая стала прообразом создания в течение последующих десяти лет семи подобных учебных заведений, была гимназия, основанная в 1840 г. в Варшаве, которую можно считать средним специальным учебным заведением, так как учащиеся получали серьезную подготовку для работы на механических и текстильных предприятиях. Кроме того, в мае 1843 г. Николай I подписал положение о немецко-русской школе в Варшаве, а в марте 1845 г. в Королевстве было решено уменьшить число уездных училищ «до действительной в оных по-

требности, с тем, чтобы прочие преобразованы были в реальные, с направлением техническим или агрономическим, смотря по обстоятельствам местности»³.

К специализированным средним школам в Российской империи и Королевстве Польском относились горнозаводские, ремесленные, художественно–промышленные, мореходные, сельскохозяйственные и другие учебные заведения.

Первыми профессионально–техническими школами в Российской империи были малые и главные школы, которые открывались при Екатеринбургском, Горноблагодатском и Пермском горных начальствах на основании указа Сената 1801 г. В 1804 г. вместо малых и главных горных школ создавались три типа школ при заводах и рудниках: заводские школы, горные и окружные училища. К середине XIX в. в связи с общим упорядочением системы народного образования часть заводских училищ была преобразована в реальные⁴. В Королевстве Польском в 1816–1826 гг. в Кельце функционировала трехлетняя Горная школа, занятия в которой велись в основном на немецком языке. Выпуски были немногочисленными. На каникулы часть стипендиатов направляли за границу⁵.

Потребность в квалифицированных коммерсантах способствовала появлению в Москве еще в 1772 г. первого коммерческого училища, которое через несколько лет, в 1799 г., было переведено в Петербург и положило начало Петербургскому коммерческому училищу. В 1804 г. в Москве К.И. Арнольд создал частный коммерческий пансион. Наряду с коммерческими училищами создавались коммерческие гимназии: в 1804 г. в Одессе и в 1806 г. в Таганроге. Одесская коммерческая гимназия в 1817 г. была преобразована в высшее учебное заведение – Ришельевский лицей. Высший коммерческий пансион в Петербурге был открыт в 1839 г.⁶

Необходимость привлечения населения к промышленному образованию привела к тому, что в конце 1820 – начале 1830-х гг. создаются ремесленные училища, имевшие целью дать более глубокую теоретическую и практическую подготовку. Первое из них было открыто А.Б. Куракиным еще в 1804 г. в г. Чернигове. Квалифицированных рабочих готовили и на созданных при фабриках и заводах их хозяевами училищах и школах. К ним относились основанные в Москве в 1832 г. Набилковское училище, в 1822 г. фабрично-заводская школа Т.В. Прохорова, в 1847 г. Покровское приходское училище во Владимирской губернии. Технические школы создавались и при казенных заводах Петербурга: с 1821 г. была открыта школа при Петер-

бургском Арсенале, а с 1830 г. – школа мастеров и подмастерьев на Охтенском пороховом заводе ⁷.

При промышленных предприятиях начали появляться художественно-промышленные учебные заведения. В 1816 г. на фабрике братьев Прохоровых в Москве открылась первая рисовальная школа. В 1825 г. С.Г. Строганов создал в Москве школу технического рисования. Рисовальная школа в Петербурге была учреждена в 1839 г., а в 1844 г. Художественная школа в Варшаве ⁸.

Расширение товарооборота, рост торговли в первой половине XIX в. требовали ускоренных темпов развития водного (морского и речного) и сухопутного (позднее железнодорожного) транспорта. Первое училище торгового мореплавания было создано в Петербурге в 1829 г., второе – в 1834 г. в Херсоне. В 1841 г. были открыты шкиперские курсы в Архангельске и Кеми, а в 1840 – сигнальная школа для подготовки телеграфистов железных дорог. С 1826 г. по 1839 г. готовила мастеров по надзору за производством строительных работ и исправным состоянием технических сооружений открытая в Петербурге кондукторская школа ⁹.

Средние специальные сельскохозяйственные учебные заведения начали открываться с 20-х гг. XIX в. В 1822 г. была учреждена Московская земледельческая школа. В 1832 г. открыло двери удельное земледельческое училище, в 1840 г. – в Могилевской губернии Горыгорецкое сельскохозяйственное училище (земледельческая школа) и другие. Появились и частные сельскохозяйственные учебные заведения. С 1824 г. по 1847 г. готовила управляющих, приказчиков, лесничих, межевщиков имевшая длинное и замысловатое название «Школа земледельческих, сельскохозяйственных и горнозаводских наук, с присовокуплением особого отделения ремесла», открытая С.В. Строгановой. Первое лесное училище, готовившее лесничих и их помощников, было открыто в 1803 г. в Царском селе (в 1811 г. преобразовано в Петербургский лесной институт), в 1834 г. в семидесяти верстах от Петербурга, близ станции Тосно, было создано Лисинское учебное лесничество и при нем лесное (егерское) училище. В 1828 г. в Никитском саду в Крыму основано Магарачское училище виноделия. Позднее были созданы еще два – в Пензе и Екатеринославе. В конце 1830 – начале 1840-х гг. Министерство государственных имуществ создало ряд учебных ферм для подготовки из молодых крестьян «хозяев образцовых усадеб». Ближе к сельскохозяйственным учебным заведениям стояли землемерные училища и землемерно-таксаторские классы. Первое учебное заведение этого типа – Константиновская

землемерная школа в Москве – возникло в 1779 г., позднее школа была преобразована в землемерное училище с четырехгодичным курсом, а затем – в Межевой институт. В 1849 г. С.-Петербургским вольным экономическим обществом было основано сельскохозяйственное училище для дворян. Однако через пять лет его закрыли¹⁰.

Лесное училище в Королевстве Польском было создано в 1816 г., а в 1820 г. открыл двери Сельскохозяйственный институт в Маримонте. В августе 1840 г. было принято положение об Институте сельского хозяйства и лесоводства¹¹.

Создание высших технических учебных заведений в Российской империи и Королевстве Польском в первой половине XIX в. инициировалось, в основном, отраслевыми ведомствами. Петербургский практический технологический институт обязан своим основанием в 1828 г. министру финансов Е.Ф. Канкрину. Берг-коллегия подчинялось сначала и Петербургское горное училище, преобразованное в 1804 г. в Горный кадетский корпус, а в 1833 г. в Горный институт¹². Инженеров и чиновников по горному ведомству готовил и Институт инженеров корпуса путей сообщения, основанный в 1809 г.¹³ В марте 1817 г. Александр I подписал указ об организации по французскому образцу Горного корпуса в Королевстве Польском. В его состав вошли чиновники, официалисты и рабочие, освобожденные от воинской повинности и уплаты налогов. Все члены Горного корпуса должны были уметь читать, писать и считать, многие из них были объединены в Общество вспомоществования¹⁴. Детей купцов, мещан, разночинцев для различных областей промышленности обучали в образованном из ремесленного училища в 1830 г. Московском техническом училище. В 1832 г. в Петербурге по указу Николая I было основано Училище гражданских инженеров, созданное на базе открытого в 1820 г. военно-строительного училища. В марте 1845 г. в Королевстве Польском было принято решение о том, чтобы в каждой губернии было не более одной филологической гимназии. Вместо упраздненных предполагалось учредить высшие реальные учебные заведения, в первую очередь в Калише, Кельцах или Седльцах¹⁵.

Юридическое образование в Российской империи можно было получить в Императорском училище правоведения, основанном в 1835 г. и находящемся в ведомстве Министерства юстиции. В 1808 г. в Варшаве была создана Юридическая школа. В 1811 г. при ней была организована Школа административных наук, в которой преподавали политическую экономию, статистику, основы организации фабричного и мануфактурного производств, правила ведения внешней и внут-

ренной торговли, финансы. Юридическая школа существовала до открытия Варшавского университета, в который она вошла как юридический факультет¹⁶.

* * *

Процесс становления специального и профессионально-технического образования в Российской империи и Королевстве Польском в первой половине XIX в. характеризуется осознанием важности подготовки квалифицированных специалистов и рабочих. Возникла довольно гибкая и разнообразная государственная, общественная и частная система подготовки профессионально грамотных специалистов низшего и среднего звена, формировалась система высших учебных заведений, главной задачей которой была подготовка чиновников государственного аппарата.

Отсутствие преемственности в подготовке технических специалистов среднего и высшего уровня, традиций в промышленном образовании приводило к тому, что учебные заведения должны были создавать подготовительные отделения, занижать возраст поступающих, увеличивать продолжительность обучения, а недостатки образования восполнять приобретением практических навыков. Незначительное количество реальных училищ и невысокая потребность промышленности в инженерах привели к тому, что до начала буржуазных реформ 1860–1870-х гг. основанные как высшие учебные заведения Петербургский технологический институт и Московское техническое училище функционировали в качестве средних специальных учебных заведений.

Малочисленные профессиональные учебные заведения не могли удовлетворить спроса на специалистов низшей, средней и высшей квалификации со стороны различных отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Это как в Российской империи, так и в Королевстве Польском было одной из причин приглашения иностранных специалистов не только на предприятия, но и в качестве преподавателей в учебные заведения. Неспособность государства обеспечить подготовку специалистов для различных отраслей развивающейся экономики частично ликвидировали частные профессионально-технические учебные заведения.

Таким образом, в первой половине XIX в. в Российской империи и Королевстве Польском были заложены основы промышленного прогресса, способствующие организации учебных заведений

специального и профессионально-технического образования, темпы развития которых, не в полной мере соответствовали потребностям экономики¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Цимринг С.Я., Кузнецов Ю.С.* Страницы истории профессионального и технического образования России. СПб., 1996. Ч. 1. С. 71; *Зяблова С.Л.* Развитие низшего профессионально-технического образования в России середины XIX – начала XX веков. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Иваново, 2004. С. 3; *Очерки истории профессионально-технического образования в СССР.* М., 1976.
- ² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 1. Стб. 331–368; *История профессионального образования в России.* М., 2003. С. 46–51; *Кузьмин Н.Н.* Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России. Челябинск, 1971. С. 225, 230; *Тарасова В.Н.* Высшее техническое образование России в последней четверти XVIII – первой половине XIX вв. М., 1999. С. 12–14; *Калинина Н.Е., Тебиев Б.К.* Люди дела: Очерки истории подготовки предпринимательских кадров в России XVIII – начала XIX века. М., 1999. С. 52–57.
- ³ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. С. 141; Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Варшава, 1866. Т. 1. С. 80–82, 130–132, 512–575; Варшава, 1867. Т. 2. С. 246–248, 334–336, 402, 440, 562–625; Варшава, 1868. Т. 3. С. 14, 126–197, 152–154, 236–290, 330–332, 342, 380–392. См. также: *Широких О.Б., Деев Е.Е.* Развитие начального профессионального образования в России. Коломна, 2009. С. 21–22; *История профессионального образования в России.* С. 49; *Тарасова В.Н.* Высшее техническое образование России... С. 12–14.
- ⁴ *Кузьмин Н.Н.* Указ. соч. С. 41–50; *История профессионального образования в России.* С. 36–39; *Цимринг С.Я., Кузнецов Ю.С.* Указ. соч. С. 67–68; *Дементьев А.А., Сулханов М.Н.* Техникумы и колледжи металлургической отрасли в истории России. М., 2006. С. 51–52; *Михащенко А.Л.* История начального и среднего профессионального образования в России. Курган, 2002. С. 24–27.
- ⁵ *Dziennik Praw* (далее Dz. Pr.). Warszawa. Т. 2. S. 126–128, Т. 3. S. 188–215, Т. 4. S. 121–122; *Сборник административных постановлений Царства Польского.* Ведомство просвещения. Т. 1. С. 512–

- 531, Т. 5. С. 8–11, Т. 6. С. 80–162; *Завелейский М.Д.* Статистика Царства Польского по высочайшему повелению составленная. СПб, 1842. С. 78–87; *Obraz Królestwa Polskiego w okresie konstytucyjnym*. Т. 1. Raporty Rady Stanu Królestwa Polskiego z działalności rządu w latach 1816–1828. Warszawa, 1984. S. 34–36, 104–105; *Wóycicki A.* Dzieje robotników przemysłowych w Polsce. Warszawa, 1929. S. 83.
- ⁶ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. Стб. 221–226; 255–261; *Палий Е.Н.* Традиции салонной культуры в технических вузах России. Век XIX и век XXI. М., 2005. С. 93–94; *Нисселович Л.Н.* История заводско–фабричного законодательства Российской империи. СПб, 1884. Ч. 2. С. 40–46; *Кинятина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности (20–50-е годы XIX в.). М., 1968. С. 330–375; *Кузьмин Н.Н.* Указ. соч. С. 225, 230, 239–244; *Тарасова В.Н.* Высшее техническое образование России... С. 12–14; *Капина Н.Е., Тебиев Б.К.* Указ. соч. С. 42–44, 52–57; *Михащенко А.Л.* Указ. соч. С. 60–61.
- ⁷ *Цимринг С.Я., Кузнецов Ю.С.* Указ. соч. С. 66–68; *Кузьмин Н.Н.* Указ. соч. С. 54–57; История профессионального образования в России. С. 33–34; *Тарасова В.Н.* Формирование гуманитарных традиций в высшей технической школе России (последняя четверть XVIII в. – 1917 г.). М., 1999. С. 77–78; *Нисселович Л.Н.* Указ. соч. С. 40–46; *Кинятина Н.С.* Указ. соч. С. 330–375; *Михащенко А.Л.* Указ. соч. С. 25–31.
- ⁸ Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Варшава, 1868. Т. 5. С. 52–69; История профессионального образования в России. С. 39–40; *Кузьмин Н.Н.* Указ. соч. С. 94–97; *Нисселович Л.Н.* Указ. соч. С. 40–46; *Кинятина Н.С.* Указ. соч. С. 330–375; *Михащенко А.Л.* Указ. соч. С. 40–42.
- ⁹ *Кузьмин Н.Н.* Указ. соч. С. 123–130, 132–133, 145; История профессионального образования в России. С. 42–43; *Михащенко А.Л.* Указ. соч. С. 43–44; *Нисселович Л.Н.* Указ. соч. С. 40–46; *Кинятина Н.С.* Указ. соч. С. 330–375.
- ¹⁰ История профессионального образования в России. С. 44–46; *Кузьмин Н.Н.* Указ. соч. С. 169, 181–187, 207; *Михащенко А.Л.* Указ. соч. С. 50–53.
- ¹¹ *Dz. Prg.* Т. 2. S. 126–128, Т. 3. S. 188–215, Т. 4. S. 121–122; Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Т. 1. С. 512–531; Т. 5. С. 8–11, 12–51; Т. 6. С. 80–162;

- Завелейский М.Д.* Указ. соч. С. 78–87; *Obraz Królestwa Polskiego...* S. 34–36, 104–105; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 83.
- ¹² *Тарасова В.Н.* Высшее техническое образование России... С. 9, 13; *Тарасова В.Н.* Формирование гуманитарных традиций... С. 288–289; *Романов В.Е.* Два университета – одна история // 175 лет текстильному образованию в России. СПб., 2003.
- ¹³ *Тимошенко С.П.* Инженерное образование в России. Люберцы, 1997. С. 12; *Тарасова В.Н.* Транспортное инженерное образование в России в XIX–XX вв. М., 1999. С. 25–26.
- ¹⁴ *Dz. Pr.* Т. 2. S. 126–128; Т. 3. S. 188–215; Т. 4. S. 121–122; Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Т. 1. С. 512–531; Т. 5. С. 8–11; Т. 6. С. 80–162; *Завелейский М.Д.* Указ. соч. С. 78–87; *Obraz Królestwa Polskiego...* S. 34–36, 104–105; *Wóycicki A.* Op. cit. S. 83.
- ¹⁵ Сборник административных постановлений Царства Польского. Ведомство просвещения. Т. 3. С. 342, 398–457.
- ¹⁶ Труды Варшавского статистического комитета. Варшава, 1907. Вып. 28. С. 80.
- ¹⁷ *Тарасова В.Н.* Формирование гуманитарных традиций... С. 288–289; *Зяблова С.Л.* Указ. соч. С. 22; *Широких О.Б., Деев Е.Е.* Указ. соч. С. 24–25; *Калинина Н.Е., Тебиев Б.К.* Указ. соч. С. 60; История профессионального образования в России. С. 31–32, 46, 51.

О.В. Хаванова (Москва)

**Инженерные науки и социальная мобильность
в Венгрии рубежа XVIII–XIX вв.:
к постановке проблемы**

В раннее Новое время характерной чертой социальной структуры Венгерского королевства, как и Речи Посполитой, была, как известно, более высокая, по сравнению с другими европейскими странами, доля привилегированного сословия и его глубокая диверсификация: от богатейших аристократических родов до номинальных носителей дворянского титула, когда последние по образу и уровню жизни практически не отличались от простолюдинов. Эволюция сословного общества и формирование современного типа государства потребовали от дворянства в этих странах повышения своего образовательного уровня настолько, чтобы справляться с усложняющимися задачами управления страной и реформирования общества. Одновре-

менно это повлекло за собой бóльшую открытость политической элиты талантливым и честолюбивым выходцам из недворянских слоев. Многим представителям военных и гражданских инженерных специальностей, от которых требовались природные задатки, обширные познания и большой эмпирический опыт, профессия становилась пропуском в ряды дворянского сословия. Отражались ли единичные случаи на составе и корпоративной этике политической элиты? Пример Венгрии, где в рамках действовавшего с 1777 по 1848 гг. учебного плана «*Ratio educationis*» большое внимание уделялось преподаванию естественных и технических наук, может оказаться небезынтересным для изучения сходных процессов в Центральной и Восточной Европе, в том числе в Польше.

В Венгрии во второй половине XVIII в. все острее ощущалась потребность в квалифицированных инженерах—геодезистах и инженерах—гидравликах, способных руководить строительством дорог, осушением болот, регулированием течения рек¹. Первый в монархии Габсбургов политико—экономический коллегийум в Сенце (после разрушительного пожара учебное заведение было переведено в Тату) с 1763 по 1782 гг. подготовил десятки специалистов, трудившихся затем в учреждениях, подчиненных Венгерской казенной палате, или при комитатских администрациях. С одной стороны, это учебное заведение не могло удовлетворить растущие потребности венгерской экономики, с другой стороны, устаревшая программа начальной школы не давала знаний, необходимых для получения специализированного образования. В конечном итоге, это и стало одной из причин закрытия коллегийума. Авторы—разработчики «*Ratio educationis*» в духе времени придавали большое значение преподаванию естественнонаучных дисциплин в гимназиях и университете и преимущества ступеней образования. В Будайском университете на философском факультете было создано четыре новые кафедры: теоретической физики; экспериментальной физики и механики; сельского хозяйства; прикладной геометрии, гидравлики и архитектуры. В рамках последней в 1784 г. открылся так называемый Геометрический институт, действовавший до 1850 г., пока не был включен в Технический королевский университет.

Венгерский исследователь Э. Лоши-Шмидт утверждал, что это было первое в Европе специализированное высшее учебное заведение для подготовки инженеров, созданное на десять лет раньше, чем парижская Политехническая школа (основана в 1794 г.)². Зачислению в Институт подлежали лучшие выпускники гимназий и окруж-

ных академий, уже доказавшие свои склонности к естественным и точным наукам. Учить их должны были первоклассные профессора, рекрутировавшиеся, что особенно подчеркивалось в учредительных документах, из всех сословий. Будущие инженеры помимо широкого спектра специальных предметов (высшая математика, прикладные разделы физики, гидравлика, геодезия, картография, агрокультура и пр.) должны были усвоить основы правовой системы королевства (землемеры привлекались к урегулированию территориальных споров), начатки политико-камеральных наук и языки, на которых говорят жители королевства. Курс обучения венчал публичный экзамен, где выпускники демонстрировали познания, которые им предстояло применять на практике ³.

Опубликованный Лоши-Шмидтом список из 84 студентов, прошедших процедуру такого экзамена с 1785 по 1800 г., является ценным источником по истории профессиональных элит в Венгрии, который еще не становился предметом просопографического анализа. Было бы интересно установить, какая доля выпускников Института геометрии трудилась по профессии и где с особой охотой брали на службу дипломированных инженеров – в структуры Казенной палаты, в комитатские администрации, в городские магистраты или в имения крупных землевладельцев? В этой связи не менее интересна проблема социальной мобильности в среде дипломированных инженеров. Как показал американский историк Дж. М. Смит, требование французского абсолютизма к таким личным качествам бюрократии и офицерства, как пунктуальность, ответственность, профессионализм, заставило дворянство изменить свое отношение к наследуемому характеру родовых заслуг и открыло перед сотнями выходцев из третьего сословия возможность получить дворянский титул путем демонстрации похвальных в глазах властей качеств ⁴.

Возможно ли, что сходная тенденция наблюдается и в Венгрии рубежа XVIII–XIX вв.? В раннее Новое время корона традиционно использовала аноблирования (пожалования дворянства) как инструмент поощрения лояльных, деятельных подданных. Это обстоятельство позволило венгерскому историку Ч. Чаподи прийти к выводу, что за наследственный дворянский титул подданные недворянского происхождения платили несоразмерно высокую моральную цену. Они десятилетиями работали над полезными изобретениями, отправлялись в опасные экспедиции и осваивали целинные земли, жертвовали крупные суммы на общественно-полезные учреждения и начинания ⁵. Историк подсчитал, что с 1801 по 1848 г., согласно так назы-

ваемым королевским книгам, из 575 случаев возведения в дворянское достоинство более половины составляли аноблирования армейских офицеров. В числе же гражданских лиц инженеры и управляющие поместьями занимали довольно скромное место по сравнению с чиновниками центральной и местной администрации и комитатскими служащими (среди которых, кстати, тоже могли встречаться дипломированные инженеры). По словам Чаподи, улучшение социального статуса в сословном обществе, базировавшемся на отношениях патроната и клиентелы, не зависело от уровня и качества образования. Государство, заинтересованное в повышении квалификации профессиональных групп, пользовалось знаниями и умениями подданных, но допускало на нижние ступени политической элиты лишь особо удачливых и честолюбивых простолюдинов⁶. Дальнейшие исследования на материале стран Центральной и Восточной Европы помогут выявить региональные закономерности и национальную специфику формирования бюрократических элит, обслуживавших нужды государства буржуазной эпохи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Kosáry D. Művelődés a XVIII. századi Magyarországon. Bp., 1980. 633 old.*

² *Lósy-Schmidt E. Művelődéstörténeti vázlatok a magyar technika sok évszázados múltjából // Ponticulus Hungaricus. 2005. IX év. 5 sz. (Перепечатка статьи 1920 г.).*

³ *Magyar Országos Levéltár, Budapest (далее – MOL). Magyar Királyi Helytartótanács levéltára. C 67. Departamentum litterario-politicum. 252. d. 1782. Univ. Budensis F. 10. A geometria oktatásával kapcsolatos ügyek. № 3.*

⁴ *Smith J.M. The culture of merit. Nobility, royal service and the making of absolute monarchy in France, 1600–1789. Ann Arbor, 1996.*

⁵ *Csapodi Cs. Nemesség és értelmiség Magyarországon 1848 előtt // Gazdaságtörténet – könyvtártörténet. Emlékkönyv Berlász Jenő 90. születésnapjára / Szerk. Buza J. Bp., 2001. 79–92 old.*

⁶ *См. дворянскую грамоту от 1787 г. для знаменитого венгерского инженера-гидравлика Франца (Ференца) Бёма: MOL. Magyar Királyi Kancellária levéltára. Libri regii. A 57. 54. köt. P. 39–43.*

Поляки

в российских военно-учебных заведениях в XIX веке.

Мотивы поступления и карьеры

На протяжении XIX века в царском офицерском корпусе находилось около 20 тыс. поляков, либо лиц польского происхождения. В подавляющем большинстве (60 %) это были выходцы из западных губерний Российской империи. До Крымской войны в России существовало три типа военных школ: 1) Академия штаба и Пажеский корпус; 2) Михайловское артиллерийское училище, Главное инженерное училище и Дворянский полк; 3) кадетские корпуса. В результате реформ Милютина система образования была расширена и разделялась на: 1) академии; 2) военно-учебные заведения; 3) гимназии и реальные училища; 4) специальные школы артиллерийского ведомства.

Каковы были причины поступления поляков в российские военные школы? На первом месте нужно назвать материальное положение. Для многих семей беднеющей шляхты отправление сына в военную школу было единственным способом обеспечения потомку средств существования. Обучение в школах было бесплатным, а карьера офицера гарантировала относительный достаток. Следовательно, ничего удивительного, что абитуриентов хватало. Известны многочисленные случаи, когда за деньги искали покровительства, чтобы поместить сына в соответствующую военную школу.

Вторую группу составляли те, которые выбирали службу в армии по призванию и стремились носить офицерский мундир. Увлечение военной службой в большей степени проявлялось до времени Ноябрьского восстания 1830 г. (особенно, если речь идет о западных губерниях), когда политика репрессий в отношении поляков не приняла еще таких размеров. Часть молодежи вырастала в атмосфере рассказов о великих свершениях поляков, которые под командованием Александра I победили Наполеона. Миф о золотой шпаге, которая вручалась многим полякам в память о войне 1812 года, сделал тут свое дело, и молодые люди проявляли большую склонность к ношению российского мундира.

Значительная часть молодежи, происходившая из поместной шляхты, особенно западных губерний Российской империи, была вынуждена вступить на военную службу. Так, после подавления Ноябрьского восстания власти отдельных губерний выдавали разного рода распоряжения, обязывавшие польских помещиков поступить либо на

гражданскую, либо на военную службу. В 1852 г. такая обязанность была окончательно оформлена законодательно. Было установлено правило, по которому старший сын в семье или займет должность в государственном аппарате, либо пойдет в армию. В какой мере эта норма была реализована на практике – сказать трудно.

Четвертую группу, достаточно многочисленную, составляли молодые люди, которые намеренно выбирали военные школы, чтобы, получив военное образование, с оружием в руках сражаться за независимость Польши. Такой мотив появляется только в конце XIX в., когда на европейском континенте сложились два противостоявших друг другу военных блока и явно приближалась большая война в Европе.

Пятую группу, самую малочисленную, представляли юноши, желавшие выступить в роли Конрада Валленрода. Правда, вызывает большое сомнение присутствие «валленродизма» у мальчиков 9–12 лет, которых родители отдавали в кадетские корпуса. Некоторые офицеры польского происхождения свою принадлежность к польской культуре осознали только под влиянием деятельности возникшего в конце 1859 г. Кружка офицеров. Только тогда они начали читать «Гражину» или «Конрада Валленрода». Также большое воздействие на них оказали религиозно–патриотические манифестации 1861 г. в Королевстве Польском. В общем, это была очень маленькая группа. Кроме того, нужно помнить, что если среди них и были такие, кто под влиянием романтической литературы хотел бы сыграть роль Конрада Валленрода и поступил в военную школу, то в течение нескольких лет пребывания там они осознали, что эта дорога никуда не ведет.

Из моих предварительных подсчетов вытекает, что на протяжении XIX в. несколько сот офицеров (400–500 чел.) – главным образом полковников и генералов – внесли существенный вклад в развитие русского военного дела. Часть из них поддерживала близкие контакты с польскими организациями, действовавшими на территории России, и с католической церковью. Другие же перешли в православие, женились на русских и утрачивали черты польской идентичности.

Итак, мы встречаем поляков среди преподавателей в важнейших военно–учебных заведениях России: Николаевской инженерной академии, Михайловской артиллерийской академии, Николаевской Морской академии и др. За выдающиеся научные заслуги они становились членами петербургской Академии наук. Поляки занимали высокие посты в Военном министерстве и в Генеральном штабе. Они были даже учителями отпрысков царской семьи и при этом не скрывали, что исповедуют католическую веру.

А вот несколько примеров карьер поляков в российской армии. Начнем с генерала–лейтенанта Миколая Глиноецкого (1830–1892). Он преподавал тактику и историю военного искусства в Николаевской академии Генерального штаба. В 1860-е г., когда русская армия переживала фундаментальные реформы, Глиноецкий был связан с «Военным сборником» (периодическим изданием, поддерживавшим перемены в армии) и публиковал там свои научные работы. Он издал материалы по истории Николаевской академии, а также написал двухтомную историю российского штаба в 1698–1855 гг. (СПб., 1883–1894).

Далее, генерал–лейтенант Нестор Буйницкий (1863–1914). Он принадлежал к создателям русской школы фортификации, как и некоторые другие поляки; был заведующим кафедрой фортификации в Николаевской инженерной академии. Из полтора десятка работ в данной области наибольшее признание принес ему учебник, посвященный роли фортификации в оборонительных действиях, который пять раз переиздавался. Кроме того, он был автором статей и научных сочинений, помещенных в специальных военных журналах, а также разделов, посвященных военным вопросам в энциклопедических изданиях.

Поляки, воспитанники русских военно–учебных заведений, внесли большой вклад в развитие топографии и картографии. Среди 971 офицера русской армии, предпринимавших исследования в данной сфере, 129 человек имели польские корни. Чаще всего называются Юзеф Ходзько (1800–1881) и Иероним Стебницкий (1832–1897). Ходзько начал топографические изыскания на Кавказе, а его дело продолжил И. Стебницкий. В 1878 г. он стал членом петербургской Академии наук, с 1895 г. занимал должность вице-президента Русского географического общества. Его научные интересы были очень широки. В частности, он исследовал влияние притяжения кавказских гор на отклонение силы тяжести. Результаты наблюдений Стебницкого были высоко оценены петербургской Академией наук. Он интересовался проблемой установления всемирного времени, был членом российской делегации на конгрессе в Вашингтоне в 1884 г., по этому вопросу. Научное наследие Стебницкого составляет около 100 трудов. Его работы по картографии, геодезии и отчасти по астрономии стали достоянием мировой науки.

Наиболее известным является, пожалуй, генерал Альфонс Шанявский (1837–1905), и этому, несомненно, способствовал фильм, показанный по московскому телевидению в 1998 г. Итак, чем же заслужил Шанявский такое внимание спустя 90 лет после смерти?

Окончив Николаевскую академию Генерального штаба, Шанявский в 1860-е гг. сделал стремительную карьеру и получил чин генерал-майора. В течение 10 лет он проводил исследования на Дальнем Востоке, а позднее работал в Генеральном штабе. После выхода в отставку он занялся добычей золота в Сибири, что принесло ему огромные доходы. Благодаря этому он прославился как меценат, вел просветительскую деятельность не только среди поляков, но и русской общественности в Москве. Самым выдающимся его достижением было основание в Москве Вольного университета, который носил его имя. Этот университет прекратил свою деятельность в 1918 г. Меценатство Шанявского и открытие Вольного университета послужили основой для упомянутого телефильма.

В различных польских публикациях упоминается, что поляки, входившие в состав царского офицерского корпуса, сталкивались с затруднениями в продвижении по службе. Это утверждение безусловно справедливо, поскольку власти и начальство с недоверием относились к полякам и к Польше. В частности при комплектовании воинских частей соблюдался принцип, что офицеры польского происхождения не должны превышать 20 % личного состава. Поляку было легче получить повышение в звании младшего офицера, чем дойти до чина полковника или генерала. Но также является фактом, что ни в австрийских, ни тем более в прусских войсках и в армии кайзеровской Германии поляки не сделали стольких карьер и не продвинулись по службе в той же степени, как в русской армии.

Перевод с польск. Ольги Кашиановой

Кшиштоф Лятавец (Люблин)

Институт в Новой Александрии и развитие традиций польской технической высшей школы в последней трети XIX– начале XX вв.

Одним из результатов реформ Александра Велёпольского было создание специального технического училища, которое должно было заниматься подготовкой на территории Королевства Польского квалифицированных кадров для развивающегося сельского и лесного хозяйства. В эффективных специалистах по управлению лесными ресурсами страны нуждалась также и финансовая администрация Королевства. Эту задачу должен был решать Институт в Маримонте, на

историю которого наложили неизгладимый отпечаток взлет и упадок польской независимости в период Восстания 1863–1864 гг.

Царское правительство в 1869 г. приняло решение о возрождении Института сельского хозяйства и лесоводства, но уже в отдалении от Варшавы – в Новой Александрии (Пулавах). Он должен был стать продолжением деятельности Института в Маримонте. В возрожденном институте были сосредоточены педагогические кадры с огромным научным опытом. Среди преподавателей преобладали в основном поляки, однако, все руководящие посты по решению куратора Варшавского учебного округа занимали выходцы из Российской империи. В 1880-х гг. XIX в. начался процесс постепенного увеличения числа поляков среди преподавательских кадров института. Дело дошло до первых политических волнений.

Институт в Новой Александрии был одним из немногих высших учебных заведений Российской империи, готовивших агрономов и специалистов лесного хозяйства. В Новой Александрии получали образование значительное число студентов, приехавших из отдаленных губерний империи. Общество студентов было представлено русскими, поляками, евреями, литовцами, немцами и т. д.

В 1890-е гг. по инициативе директора института В.В. Докучаева были проведены реформы устройства этого учебного заведения. В 1894 г. он добился организации там первой кафедры генетического почвоведения, заведующим которой стал Н.М. Сибирцев. Институт получил новую внутреннюю организацию. Были реформированы и учебные программы. Вместе с тем проводимая правительством политика русификации сказалась и на судьбе института: число поляков среди его преподавателей подверглось сокращению.

В начале XX в. институт в Пулавах существенно расширил сферу специализации своих выпускников, которая уже отнюдь не ограничивалась областью лесоводства. Подготовленных в институте специалистов охотно принимали на работу в структуры Министерства земледелия и государственных имуществ. Преподаватели института, помимо подготовки высококвалифицированных кадров, внесли также существенный вклад в развитие естествознания не только в России, но и во всем мире.

Перевод с польск. Людмилы Марней

Л.А. Кирилина (Москва)

**Проблема словенизации
начального и среднего образования
в словенских землях в конце XIX – начале XX вв.**

Словенцы в течение многих столетий жили в условиях национального порабощения и раздробленности. Поэтому введение в школах обучения на родном языке имело ключевое значение для развития словенского национального самосознания и формирования словенской нации. Интенсивно эти процессы стали развиваться во второй половине XIX – начале XX вв., тогда произошел коренной перелом в мировоззрении большинства словенцев, начавших воспринимать себя как единый народ, а не как крайнцев, штирийцев, приморцев.

Одновременно в политике австрийских властей усилились тенденции к германизации (в Приморье – к италянизации) словенцев. И именно в этот период борьба словенских национальных деятелей за словенизацию начальных и средних учебных заведений приобрела особое значение. Первый камень в основу собственно словенского образования заложили в XVI в. словенские последователи протестантизма: П. Трубар, издавший первые книги на словенском языке (Катехизис и Букварь), Ю. Далматин, сделавший первый перевод Библии на словенский язык, А. Богорич, составивший первую словенскую грамматику. Следующий мощный импульс словенизации образования был дан деятелями словенского Возрождения во второй половине XVIII в. Тогда появилось несколько словенских грамматик, сборников стихов, календарей, стала издаваться первая словенская газета. Вопрос о необходимости создать словенскую школу был поднят просветителем Б. Кумердеем, предлагавшим, чтобы обучение в начальной школе велось на словенском языке.

Хотя всеобщее начальное образование в Австрийской империи было введено еще в 1774 г., только в период существования Иллирийских провинций (1809–1813 гг.) наполеоновские власти приняли постановление о том, что обучение в начальных и средних школах следует вести на родном языке учащихся. После поражения Наполеона австрийские власти отменили французские реформы, но постепенно многие начальные школы все же перешли к обучению на словенском языке. Хотя начальное образование в Австрийской империи было обязательным, но в среднем в 1840-е гг. в Словении ходил в школу только каждый третий ребёнок¹. В словенских городах, а в Штирии и Каринтии также и в деревнях, преобладало

обучение на немецком языке, в деревенских школах Крайны, в Горице и части Приморья – на словенском. Большинство начальных школ были смешанными. Так, например, в Крайне было 12 немецких начальных школ, 23 словенских, 60 немецко–словенских. Воскресные школы по преимуществу были словенскими. Власти не выказывали большой заинтересованности в образовании крестьян, поэтому в целом в начальных школах ситуация была печальная – нехватка учебников, инвентаря, платили учителям очень мало. В гимназиях преподавание велось на немецком или итальянском языке. Главными предметами обучения в гимназиях были Закон Божий, латынь, греческий.

В Любляне, Граце, а с 1847 г. и в Горице в лицеях и семинариях существовали словенские кафедры для нужд духовенства и чиновников. Выпускались (правда, в незначительном количестве) и словенские учебники. С ростом грамотности словенского населения увеличивалась и его потребность в печатной продукции. С 1843 г. Я. Блейвейс стал издавать словенскую газету для крестьян и ремесленников – «Кметийске ин рокодельске новице».

В программе Объединенной Словении, разработанной словенскими либералами во время революции 1848 г. и ставшей главной национальной программой словенцев вплоть до Первой мировой войны, был выдвинуты требования полного равноправия словенского языка с немецким в словенских землях, введения его в школы и учреждения. В том же 1848 г. впервые прозвучало и требование создания словенского университета в Любляне.

В 1852 г. в Целовце открылось первое словенское издательское общество – Общество св. Могора, в 1864 г. появилась Словенская Матица. В числе изданий Матицы были и учебники для средних учебных заведений на словенском языке, что способствовало введению в ряде гимназий словенского языка в качестве языка обучения².

В 1870 г. был принят закон о школах, отменивший надзор за ними духовенства. Язык обучения в школах с тех пор определял школьный совет провинции после того, как выслушивал мнение сохранившей школу общины. Совершенствовалась оплата труда учителей. Срок обучения в гимназиях (несколько раньше разделившихся на классические и реальные) продлевался до 8 лет, а в 1870-х гг. открылись и четырехлетние учительские семинарии. В средних учебных заведениях увеличилась доля предметов естественно–научного цикла.

Отмена надзора церкви за школами означала огромный прогресс. Учителями отныне могли стать только светские лица, которым платили провинциальные власти, а не общины, как это было раньше, и которым запрещалось занимать церковные должности. Появились учительские общества и газеты. В 1885 г., в противовес немецким организациям (в 1880 г. в Вене было основано Немецкое школьное общество (Дойче шулферейн), филиалы которого действовали в Каринтии и Штирии), словенские либералы основали Кирилло–Мефодиевское общество, целью которого стало основание новых и всесторонняя поддержка существующих словенских школ. В 1890 г. уже имелось 90 отделений Кирилло–Мефодиевского общества, большинство из которых находилось в словенской Каринтии, словенской Штирии, в округе Триеста и в Словенском Приморье, т. е. в районах, где словенцам угрожала наибольшая опасность онемечивания и романизации. Позднее появились еще католические школьные общества Словенская стража, Школьный дом. Борьбу против германизации словенцев вели учительские газеты – либеральная «Учительски товариш» и консервативная «Словенски учитель». В результате школьной реформы 1870 г. быстро преодолевалась неграмотность, и перед Первой мировой войной по уровню грамотности словенцы находились на четвертом месте в империи – после немцев, чехов и итальянцев³.

Новый закон о школах имел и отрицательные для словенцев последствия. Он открыл путь к усилению германизации словенских школ. Характерно, что в австрийском рейхсрате за отмену конкордата и новый школьный закон проголосовали немецкие либералы, а все словенские – и консерваторы и либералы – голосовали против. Во многом это объяснялось тем, что для развития словенского национального самосознания уменьшение роли духовенства в системе образования было явлением во многом нежелательным, т. к. словенскими учителями были в основном люди, связанные с церковной деятельностью. Многие национальные деятели словенцев были священниками. Вообще словенское духовенство являлось национальным, оно внесло большой вклад в дело развития и образования словенского народа. Стараясь сделать словенский язык языком обучения в начальной и средней школе, оно тем самым оказывало противодействие германизации словенцев.

Германизация особенно ощущалась в провинциях Каринтия и Штирия, где словенцы составляли меньшинство населения. Школьные советы этих провинций состояли из немцев, и они

всячески и безуспешно старались ввести в школы в качестве языка обучения немецкий язык. Особенно сильной германизации подвергалась словенская часть Каринтии. Все попытки словенских патриотов добиться в провинции соответствующего статуса для словенского языка в школах наталкивались на решительное сопротивление властей, с одной стороны, и на непонимание многих словенских общин – с другой. В провинциальных собраниях словенский язык имел равные права с немецким лишь в Крайне, с итальянским – только в Горице.

Со времени правления в Австро–Венгрии кабинета Э. Таафе (1879–1893 гг.) в Крайне (кроме Кочевья, Белой Печи и Любляны) все начальные школы были словенскими. В Приморье и Нижней Штирии словенские школы преобладали в деревнях, в городах же занятия велись на итальянском или немецком языках. Несмотря на сопротивление итальянцев, словенцы добились в 1895 г. открытия словенской школы в Горице, в Триесте же их старания так и не увенчались успехом. Еще хуже дела обстояли в Каринтии – там работали всего три словенские школы, существовал еще ряд двуязычных школ, но в них немецкий язык постепенно вытеснял словенский. Незадолго до начала Первой мировой войны Кирилло–Мефодиевское общество открыло две начальные школы в Штирии и одну в Каринтии. В Венеции и Прекмурье словенских школ не было.

Решение о языке обучения в гимназиях принимало министерство образования в Вене, поэтому положение словенского языка в них было еще хуже, чем в начальных школах. Введение словенско–немецких параллельных классов на первой ступени гимназического обучения в Целье в 1895 г. вызвало резкое противодействие со стороны штирийских немцев и обострение немецко–словенских отношений. Страсти накалялись, спор о параллельных классах в сельской гимназии разросся до славяно–немецкого конфликта общеавстрийского масштаба и в немалой мере способствовал падению правительства Виндишгреца. Далее вплоть до распада империи словенцам в Штирии больше не удалось добиться открытия других словенских гимназических классов. В четырех немецко–словенских гимназиях в Крайне после 1908 г. некоторые предметы преподавались на словенском языке. В 1905 г. в Шент Виде около Любляны была основана первая словенская гимназия – частная словенская епископская гимназия. Единственная государственная словенская гимназия открылась в 1913 г. в Горице. Во всех других приморских гимназиях обучение велось на немецком или итальянском языке. Реальные училища в сло-

венских землях были немецкими, за исключением итальянского училища в Триесте и немецко–словенского в Идрии. В Горице были мужское и женское словенские педагогические училища, в Любляне немецко-словенское. Еще существовали словенский городской женский лицей в Любляне, словенская городская школа в Постойне, и незадолго до войны открылась подобная школа в Жальце (Нижняя Штирия). На словенском языке велось обучение также в ряде профессиональных школ. В словенской части Каринтии в 1890-х гг. в начальных школах обучались 90% детей, в Нижней Штирии – более 82%, в других словенских областях – 72–76%. Перед Первой мировой войной в Нижней Штирии, Крайне, Триесте и Горице неграмотными были 11–15% словенцев, в Каринтии 23% ⁴.

Требование открытия словенского университета являлось составной частью политической программы словенцев с 1848 г., но оно так и не было осуществлено до распада империи. В начале XX в. движение за открытие словенского университета вновь активизировалось, и вновь не достигло успеха. Словенские студенты получали высшее образование в Вене, Граце, Праге, Кракове. В 1913 г. в австрийских университетах обучалось около тысячи словенских студентов.

Перед началом Первой мировой войны словенцы уже стали политически зрелым народом с развитой культурой, наукой и искусством, словенский язык к этому времени полностью сформировался и имел собственную научную и профессиональную терминологию. В условиях усиления германизаторской политики австрийских властей словенцы упорно продолжали вести борьбу за равноправие словенского языка в школах и учреждениях и за развитие словенской культуры и утверждение ее на европейском уровне. Однако до распада Австро-Венгерской монархии словенцам реально удалось добиться только введения словенского языка в начальные школы в качестве языка обучения в большинстве словенских земель (кроме южной Каринтии). Средние школы в большинстве оставались немецкими или итальянскими, вопрос о создании словенского университета решен не был.

Вхождение в конце 1918 г. в состав Государства Сербов, Хорватов, Словенцев (Югославии) дало мощный импульс дальнейшему развитию системы образования в словенских землях. Оказалось, что начальное образование в Словении было значительно более развито, чем в других частях Югославии. Согласно переписи 1921 г. в Словении 90% населения было грамотными (в среднем по стране – 40%), и учителей начальных классов было примерно в два раза больше, чем в среднем по Югославии ⁵. Процесс словенизации средних учебных

заведений в новом государстве стал развиваться быстрыми темпами, причем основной акцент делался на развитии реальных училищ, дающих больше практических знаний, а классических гимназий осталось всего три. В 1919 г. наконец был открыт университет в Любляне, занявший центральное место в словенской культурной и научной жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Штирии и Каринтии процент учащихся был выше, чем в Крайне. – *Gestrin F., Melik V. Slovenska zgodovina od konca XVIII stoletja do 1918. Ljubljana, 1973. S. 77.*

² *Bernik F. Sto let kulturnega poslanstva // Slovenska Matica 1864–1964. Ljubljana, 1964. S. 14–15.*

³ *Gestrin F., Melik V. Op. cit. S. 261.*

⁴ *Vodopivec P. Od Pohlinove slovnice do samostojne države. Slovenska zgodovina od konca 18.stoletja do konca 20. stoletja. Ljubljana, 2006. S. 129.*

⁵ *Ibid. S. 201.*

Калина Бартницкая (Варшава)

Польские и российские университеты на рубеже XVIII и XIX веков на европейском фоне (размышления)

Организационный и научный кризис итальянских, немецких, французских, англосаксонских высших учебных заведений в XVIII в. вызвал в то время серьезную дискуссию философов, ученых и политиков о так называемой идее университета, а также о смысле существования университетов в их общественно–политическом, организационном, национальном, учебном и научном значении ¹.

Университеты в Центрально–Восточной и Восточной Европе имеют свою отдельную линию развития. Литература предмета занимается главным образом историей университетов Центральной Европы и сосредотачивается на среднеевропейском типе университета, берущим начало от корпоративных средневековых, феодальных институтов ². В наши дни мы переживаем очередной период организационного кризиса университета как института и явления общественной жизни и культуры. В этих условиях исследование специфики воз-

никновения и развития польских и российских университетов может способствовать не только расширению знания об истории учебных заведений в наших государствах, но также способствовать лучшему пониманию общественных и национальных функций, выполняемых университетами, и вообще высшими школами. Исследования и дискуссии облегчает значительный рост в последние годы внимания российских исследователей к истории отечественных университетов³, а также труды американских историков.

Рубеж XVIII и XIX вв. был поворотным моментом в истории европейских университетов. В конце XVIII в. наблюдается исчезновение и упадок – по разным причинам – многих старых университетских центров в Италии, в германских государствах, во Франции и Испании. С другой стороны, в это время осуществляются фундаментальные реформы и создаются университетские институты совершенно нового типа (Польша, Пруссия). Учебные заведения включаются в создающуюся государственную систему народного просвещения. Государство (государственная власть) становится гарантом правовой и финансовой стабилизации за счет подчинения учебных заведений надзору государственной власти, модернизации организационных структур и процесса обучения, превращения профессорских корпораций в группы экспертов и включение их в той или иной форме в состав государственного аппарата. Программы образования начинают учитывать философские предпосылки, развитие науки, новые отрасли знания; приспособляются к нуждам современных обществ и государственной администрации. Наступает решительная дифференциация типов учебных заведений и высшего образования: от попытки организации высшей школы при полном исключении университетов старого типа (Франция), модернизации британских университетов (английских и шотландских) до превращения университета типа средневековой корпорации в государственно–чиновничий институт, строго подчиненный администрации и государственной власти (Австрия). Во многих европейских государствах высшая школа реорганизуется, дополняя традиционные структуры элементами новых решений в сфере организации и содержания системы обучения, управления и государственного надзора.

Реформы и развитие университетов в Польше и России на рубеже XVIII и XIX вв. берут начало от разных традиций образования, отличных от западноевропейских. Они были обусловлены внутренним положением обоих государств, выполняли определенные политические функции и решали конкретные общественно–культурные

задачи. В обоих государствах является очевидным сильное воздействие западных концепций высшей школы, идеи и миссии университета, в обоих странах происходит также процесс адаптации чужих образцов к потребностям и возможностям собственного общества.

Фундаментальная реформа польских университетов проводилась с мыслью об обеспечении средних школ кадрами учителей. Это обусловило модернизацию области и системы обучения, материальной и научной базы, которая могла произойти только при финансовой поддержке государства. Эта помощь в свою очередь вынудила университеты признать надзор государства, приоритет воспитательных задач над научно-исследовательскими и принять определенные административно-контрольные функции по отношению к системе среднего образования. Характерной чертой является гибкость совершаемых перемен. Теоретические основы и принципы вводимых изменений были своевременно опробованы и модифицированы под влиянием внешних условий и возможностей. Созданное устройство было закреплено в собрании законодательных положений, охватывающих совокупность научных и учебных проблем, вопросов управления и организации школ всех уровней, профессиональной практики учителей и профессоров университета под названием «Ustawy Komisji Edukacji Narodowej dla stanu akademickiego i na szkoły w krajach Rzeczypospolitej przepisane» (1783). («Постановления Комиссии Эдукации Народовой, предписанные академическому сословию и школам во владениях Речи Посполитой»). Эти нормативные акты не тормозили дальнейших эволюционных преобразований институтов и теоретических размышлений о системе высшего образования (Гуго Коллонтай, Станислав Сташиц, Войцех Швейковский, Станислав Костка Потоцкий, Бронислав Трентовский).

Школьная и университетская реформы пробудили потребности в просвещении и оживили интерес к высшему образованию у разных групп общества. Уже после падения шляхетской Речи Посполитой это нашло выражение в дифференциации институтов высшего образования и научной жизни. Перед Ноябрьским восстанием 1830 г. в границах, существовавших до разделов Польши, несмотря на неблагоприятные условия (уничтожение государства, наполеоновские войны, перенос границ) в качестве учебных заведений для польской молодежи действовали: модернизированные Комиссией Эдукации Народовой старые университеты (в Кракове и Вильно), «государственный» университет во Львове, церковная Академия в Полоцке, организованный по немецкому образцу, открытый в 1816 г. университет в Варша-

ве, центр обучения в Кременце (с 1819 г. – лицей), ставший зародышем светского, элитарного «гражданского» учебного заведения.

Попытка перенесения Петром Великим в Россию сформированного в Западной Европе типа университета требовала применения средств, чуждых этому институту (приглашения профессоров, принуждения в школе, подготавливающей абитуриентов, специфической системы присвоения ученой степени людям, обучающимся и получившим образование). Зачатком оригинальной концепции стал только Московский университет, основанный в середине XVIII в.

В начале XIX в. польские идеи и образцы существенным образом повлияли на университетскую систему России, особенно в организации структуры системы образования и места в ней университетов⁴. Характерным было сосуществование более или менее традиционных типов учебных заведений (немецкое в Дерпте, польское в Вильно, русское в Москве, а затем в Петербурге) и совершенно новых, в связи с этим очень сильно зависимых от власти государственной администрации, а также от прибывших для преподавания профессорских кадров (университеты в Харькове и Казани). Государственная политика России в отношении университетов влияла на отступления от традиционной концепции внутренней организации, программ обучения, специализации профессора университета, статуса студентов и выпускников. Постепенно изменялась и укреплялась система государственного надзора над учебными заведениями (кураторство, министерство просвещения). Это санкционировал закон 1833 г.

Перевод с польск. Ольги Каштановой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Philosophie de l'Université. Textes de Schelling, Fichte, Schleiermacher, Humboldt, Hegel [...] / présentés par L. Ferry, J.P. Pesron, A. Renaut [...]. Paris, 1979; ср., например, работы Дж. Бен-Дэвида или К. Маккеланда.

² Это очевидно даже в новейшем крупном коллективном труде: A History of the University in Europe / ed. Walter Ruegg. Cambridge: Cambridge University Press, 1992–2004. Vol. 1–3.

³ См. работы А.Е. Иванова, А.Ю. Андреева, А.Ф. Петрова и др.

⁴ Truchim S. Współpraca polsko-rosyjska nad organizacją szkolnictwa rosyjskiego w początkach XIX wieku. Łódź, 1960.

Францишек Новиньский (Гданьск)

Поляки в Петербургском университете накануне Восстания 1863 года

Определяя предшествовавший Восстанию 1863 г. период, хотелось бы обратить внимание на рубеж 1850–1860-х гг. Несомненно, поворотным моментом стала смерть Николая I 18 февраля (2 марта) 1855 г. и восшествие на престол нового царя, что открыло путь к т. н. «великим реформам», осуществлявшимся Александром II, или положило начало периоду, образно названному «весной» или «послесевастопольской оттепелью». Марксистская литература в Советском Союзе определяла его как «первую революционную ситуацию». Что касается Королевства Польского, то здесь символом некоего «перелома» стала смерть 20 февраля 1856 г. наместника И.Ф. Паскевича. С этого времени начался период подготовки к Январскому восстанию, хотя очевидно, что никто из его политических деятелей и идейных вдохновителей тогда еще не думал об осуществлении подобных планов. Впрочем, восстание ускорили реформы Александра Велёпольского, проходившие в Королевстве Польском параллельно с преобразованиями в России.

Завершилась николаевская эпоха, а вместе с ней, по крайней мере, на несколько лет закончились «тернистые дороги высшей школы» в России¹. Министрами народного просвещения в рассматриваемый период с 1853 до конца 1861 г. были: писатель А.С. Норов (07.04.1853–23.03.1858); сенатор Е.П. Ковалевский (23.03.1858–28.06.1861) и генерал-адъютант Е.В. Путятин (28.06.1861–25.12.1861). Норов проявил себя относительно хорошо, хотя и был человеком предыдущей эпохи. Чувствуя настроения университетской среды, он пошел на ряд уступок студентам. Ковалевский считался «либеральным министром», но в действительности был далек от либерализма². Коротким, но очень бурным было время «правления» Путятина. По свидетельству студента К. Головина, хотя и считалось, что Путятин является сторонником постепенного эволюционного пути изменения существующего положения, тот одним махом полностью опроверг эту точку зрения³. Решением университетских проблем занялся следующий министр народного просвещения статс-секретарь А.В. Головин (25.12.1861–14.04.1866).

В Петербургском университете, так же как в Московском и Киевском, было много студентов-поляков. Столичный российский университет играл очень важную роль в широко понимаемом общест-

венно–политическом движении (как российском, так и польском), поэтому его часто называли «барометром» общественных настроений в целом и университетской среды в частности. Именно здесь раньше, чем в других университетских центрах, проявлялись новые тенденции в студенческом движении, как легальные, так и нелегальные. Профессора принимали активное участие в разработке программы реформ, а позднее – нового университетского устава. Особая роль в этом принадлежала группе профессоров во главе с К.Д. Кавелиным, в которую входил и поляк Владимир (Влодзимеж) Спасович. Именно в Петербурге, впервые в России, дело дошло до демонстраций и студенческих волнений⁴.

По воспоминаниям Лонгина Пантелева, поступившего в столичный университет в 1858 г., на формирование настроений студенчества влияли издания Вольной русской типографии А.И. Герцена. Легче всего было достать «Колокол», намного труднее – «Полярную звезду» и другие лондонские издания. Ставший студентом Петербургского университета в том же году семнадцатилетний К. Головин отмечал, что среди студентов сыновей помещиков было мало, крестьянских почти не было, а «прежде всего была так называемая интеллигенция» и духовенство. Оба мемуариста единодушно свидетельствовали, что из общественных проблем наибольший интерес вызывал крестьянский вопрос. По словам Головина, они находились под влиянием идеалов 1840-х годов, хотя уже заявлял о себе и «материалистический подход», а российское общество того времени походило на французское перед буржуазной революцией конца XVIII в., и все же университет тогда, в конце 1850-х гг., оставался «в стороне от общественного движения»⁵.

Из-за отсутствия высших учебных заведений в Варшаве и Вильно, поляки вынуждены были учиться в российских университетах. По словам Б. Лимановского, в Петербурге насчитывалось около тысячи студентов–поляков. Их сообщество было достаточно сплоченным и организованным, о чем свидетельствовало создание своей библиотеки и своего общества. В свою очередь, Л. Пантелеев писал, что в годы его студенчества, поляков было около 400–500 чел., что составляло треть общего числа студентов столичного университета⁶.

Еще один поляк (студент Дерптского университета Игнаций Барановский) оценивал ситуацию в российских университетах несколько «со стороны» и полагал, что в Петербурге, Москве и Киеве больше интересовались политикой и «тайными занятиями», чем в Дерпте. Он считал, что «пробуждением (Королевства Польского –

Ф.Н.) от летаргического сна» явилась амнистия 1858 г. и возвращение ссыльных, а также создание Сельскохозяйственного общества. Летом того же года в Варшаве «гудело уже порядком». Он подчеркивал, однако, что Дерпт, в сравнении с другими российскими университетскими центрами, пользовался «большой свободой» и его называли «северными Афинами»⁷.

Петербургский и Московский университеты, единственные в России, имели по две кафедры польского права, на которых преподавателями были поляки, а учились, прежде всего, стипендиаты из Королевства Польского. Кроме стипендий для юристов, из бюджета Королевства Польского финансировалось обучение польских учителей, главным образом, учителей русского языка, а при приеме на эти места студентов предпочтение отдавалось русским. Среди студентов российских университетов были и поляки, обучавшиеся за свой счет, и вольнослушатели. Известная либерализация университетских порядков способствовала увеличению числа поляков, прибывавших на обучение в Петербургский университет. В то же время за ними сохранялся административный и жандармский надзор, а в III Отделение и в Министерство просвещения подавались соответствующие списки. Данные о численности студентов – поляков в этих списках существенно расходятся. Мы пользуемся сведениями списка, составленного ректором Петербургского университета для А.В. Головина в мае 1864 г., во время стабилизации положения в высших учебных заведениях, когда власти могли оперировать относительно полными, подробными и достоверными сведениями. В списке значились студенты римско-католического вероисповедания. Понятие «национальность» в системе статистического учета и в административной практике в России не применялось. Поэтому список должен был содержать фамилии не только поляков, но и «литвинов», а также и других студентов-католиков, но преобладали среди них, разумеется, поляки.

Из указанного списка следует, что быстрый рост среди студентов числа католиков замечен с 1857 г. (в 1856 г. – 106 чел.; в 1857 г. – 227 чел.; в 1860 г. – 425 чел.). В 1861–1862 гг. оно сократилось, и в значимом для нас 1863 г. составило 151 чел. Следует обратить особое внимание на расхождение приводимого в 1861 г. в разных источниках числа католиков. В списке ректора названо 224 студента, в то время как список, подготовленный для III Отделения, насчитывает свыше 450 фамилий⁸. Значительный рост численности студентов-поляков в Петербургском университете вызвал необходимость создания отдельной организации под названием «Огул». Аналогичная

организация существовала в Москве, а в Киеве был создан уже «Тройственный союз». Деятельность этих организаций носила массовый характер и была очень разноплановой, от типично студенческой взаимопомощи и самообразования – до патриотической. Последнее направление становилось все более заметным по мере обострения ситуации в Королевстве Польском накануне восстания 1863 г.

Наименьшей численно, но очень важной была группа польских преподавателей в Петербургском университете. Некоторые из них являлись выпускниками этого университета. Были среди них также специалисты, имевшие опыт практической работы, например, юристы, прибывшие из Королевства Польского⁹. Стремительную и успешную карьеру в университете сделал ориенталист Антоний Мухлинский, получивший в 1854 г. звание ординарного профессора, занимавший в 1858–1866 гг. должность декана Отделения восточных языков. На кафедрах польского права в 1841–1861 гг. преподавали выдающиеся правоведы. Дольше других здесь работал юрист Игнаций Ивановский, выпускник Виленского университета. С 1837 г. он был ординарным профессором, а в 1857 г. получил звание заслуженного профессора Петербургского университета. Несколько лет он был деканом, позднее проректором, а в 1861–1863 гг. – членом комиссии по разработке нового университетского устава. Другие знаменитые правоведы – Антоний Чайковский и его ассистенты Владислав Холевинский, Стослава Лагуна, Станислав Будзинский и назначенный в мае 1861 г. ординарным профессором упомянутый выше Владзимеж Спасович, а также Кароль Губе и Бальтазар Калиновский. Закрытие университета осенью 1861 г. и обострение политической ситуации в Королевстве Польском накануне Восстания 1863 г. привели к завершению определенного этапа истории пребывания поляков в столичном Петербургском университете.

Перевод с польск. Галины Макаровой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эти слова вынесены в заглавие одного из разделов монографии Людвика Базылёва. См.: *Bazyłow L. Społeczeństwo rosyjskie w pierwszej połowie XIX wieku*. Wrocław, 1973. S. 321.

² См.: *Корнилов А.А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881) // *Минувшие годы*. 1908. № 5–6. С. 195.

³ *Головин К.* Мои воспоминания. Т. 3 (до 1881 г.). СПб., 1908. С. 86–87.

- ⁴ Подробнее см.: *Nowiński F.* Polacy na Uniwersytecie Petersburskim w latach 1832–1884. Wrocław, 1986; *Idem.* Uniwersytet Petersburski w systemie szkolnictwa uniwersyteckiego Rosji (Do lat osiemdziesiątych XIX w.) // *Rozprawy z Dziejów Oświaty.* T. 27. 1984. S. 37–57; *Idem.* Geneza zaburzeń studenckich na Uniwersytecie Petersburskim w 1861 roku. // *Przegląd Humanistyczny.* 1979. № 6. S. 87–96.
- ⁵ *Pantielejew L.* Wspomnienia. Warszawa, 1964. S. 19, 56–58; *Головин К.* Указ соч. С. 42–43, 46.
- ⁶ *Limanowski B.* Historia demokracji polskiej. Cz. 2. Warszawa, 1957. S. 317; *Pantielejew L.* Op. cyt. S. 61.
- ⁷ *Baranowski I.* Pamiętniki Ignacego Baranowskiego (1840–1862) / wydał Adam Wrzosek. Poznań, 1923. S. 87, 89, 117.
- ⁸ Государственный исторический архив Ленинградской области. Ф. 14. Оп. 2. Д. 830. Л. 1–3; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 109. 1 эксп. Д. 187. Л. 12–21.
- ⁹ *Nowiński F.* Polscy profesorowie na Uniwersytecie Petersburskim do lat osiemdziesiątych XIX wieku // *Przegląd Humanistyczny.* 1984. № 11–12. S. 41–52.

Иоанна Шиллер (Варшава)

Императорский Варшавский университет в системе российских университетов

Университет в Варшаве создан в 1816 г. по указу императора Александра I. На этом основании некоторые историки причисляют его к семье российских университетов с самого начала его существования. Однако так же как университеты в Вильно, Дерпте, Гельсингфорсе, или возникший в 1834 г. университет в Киеве, он имел особый устав и в принципиальных вопросах своего устройства обладал особым правовым статусом, выходящим за рамки российского законодательства. С точки зрения языка обучения, национальной принадлежности подавляющего большинства профессоров и студентов он, без сомнения, был польским университетом.

Репрессии царских властей после подавления Ноябрьского восстания 1830 г. привели к закрытию Варшавского университета. Возродился он в 1862 г. под названием Варшавской Главной школы, 7-летнее существование которой было прервано в результате очередного национального восстания 1863–1864 гг. После почти пятилетних

дебатов в высших чиновничьих кругах России в 1869 г. было принято решение о преобразовании Главной школы в российский императорский Варшавский университет. Однако, хотя языком преподавания и официальным языком в университете стал русский язык, на протяжении еще полутора десятка лет Варшавский университет, как верно заметил один из исследователей, был «российским», но не «русским». Вплоть до 1905 г., до момента принятия поляками во время революции решения о бойкоте учебного заведения, подавляющее большинство студентов составляли поляки, и еще в первой половине 1880-х гг. поляками было более половины варшавских профессоров, несмотря на политику систематической замены польских преподавателей русскими.

8 июня 1869 г. Варшавский императорский университет получил собственный устав, ибо недавно изданный в России Университетский устав от 18 июня 1863 г. на него не распространялся, несмотря на тенденцию законодательной унификации Королевства Польского и империи во всех областях жизни. Причины особого правового статуса Варшавского университета лежали в сфере политики, в частности, политики национальной. Как утверждал тогдашний министр народного просвещения Дмитрий Толстой, следовало ограничить в возможно более широкой степени автономию Варшавского университета и подчинить его самому строгому непосредственному контролю со стороны российских властей. Отступления от общероссийского законодательства министр обосновывал необходимостью учитывать «местные условия» и потребностью перенесения на польскую почву русской науки и культуры для сближения обоих народов.

Однако, вопреки существующему мнению, разница между уставом Варшавского университета и общероссийским уставом 1863 г. вовсе не была столь значительной, а то, что можно интерпретировать как русификаторские тенденции, заключалось не в самом законодательстве, а в его практической реализации. Ибо нигде в уставе ВУ не было сказано, что его ректором и инспектором может быть только русский, а польские профессора, дабы сохранить свои должности, обязаны получить в течение 3 лет степень доктора в одном из российских университетов. Однако требования к претендентам и порядок получения этой научной степени были для них значительно упрощены по сравнению с действующими в России правилами. Также существующее в уставе положение о праве университета иметь приват-доцентов на практике очень редко реализовывалось, чтобы не принимать на работу молодых польских ученых.

Ограничение автономии ВУ (за исключением лишения права избрания ректора взамен назначения его министерством просвещения в Петербурге) не было поэтому особенно заметно в самом уставе, но, скорее, реализовывалось в практических действиях властей и в повседневной жизни университета. Анализ этих ограничений в отношении профессоров и студентов по сравнению с общероссийскими университетскими реалиями будет одним из принципиальных сюжетов доклада.

В нем также ставится проблема, до сих пор не освещенная в польской и до известной степени в российской историографии. Речь идет о сравнении юридического статуса Варшавского университета и других российских университетов после принятия нового университетского устава от 23 августа 1884 г., существенно ограничившего университетскую автономию. Это вызвало волну протестов профессоров и студенчества, а накануне революции 1905 г. требование отмены устава стало одним из лозунгов массового политического движения студенчества и университетской общественности.

По сравнению с нормами устава 1884 г., статус Варшавского университета сохранил такие важные атрибуты автономии и университетского самоуправления, как профессорский дисциплинарный суд, или право факультетов рекомендовать собственных кандидатов на должности профессоров. Полномочия министра народного просвещения и куратора университета, предусмотренные уставом 1884 г., уставом Варшавского университета в известной мере ограничивались. Введенная для российских университетов система гонораров для профессоров, приведшая к существенной диспропорции в оплате преподавательского труда и вызвавшая в академическом сообществе России волну критики и недовольства, обошла Варшавский университет стороной. Равным образом в Варшаве не применялось нарушавшее университетскую автономию и вызвавшее недовольство профессоров и студентов общероссийское положение о перенесении выпускных экзаменов в государственные экзаменационные комиссии, вопрос этот оставался в компетенции самих факультетов Варшавского университета и образованных ими комиссий. Поэтому можно сказать, что в правовом статусе ВУ сохранилось больше элементов внутреннего университетского самоуправления по сравнению с остальными российскими университетами, действовавшими на основании устава 1884 г.

Однако вышесказанное не должно означать, что как профессора, так и студенты ВУ осознавали, что пользуются большими университетскими свободами, чем это имело место в России. Для студентов, в большинстве поляков, лишенных в Варшаве, как и во всей Рос-

сии корпоративных прав, основной проблемой был проводимый руководством университета курс на русификацию как по содержанию образования, так и по определению его организационных форм. Борьба с русификацией, с устранением из программы обучения «польских вопросов», а также бунт против оскорбляющей их национальные чувства позиции части чиновников и профессоров составляли основное содержание идеологии варшавских студентов–поляков.

Поочередно варшавские, а со второй половины 1880-х гг. преимущественно русские профессора ВУ, чувствуя принадлежность к семье российских университетов, предпринимали действия с целью приблизить устав ВУ к общероссийским правилам. Однако речь шла, прежде всего, о расширении научной и образовательной программы университета, об усилении его кадрового потенциала, об увеличении выделяемых университету средств, ибо они справедливо считали, что ВУ в этом отношении подвергается дискриминации по сравнению с остальными учебными заведениями империи. Уже в конце 1884 г. ректор ВУ обратился к министерству просвещения с призывом уравнивать университет с остальными российскими университетами по количеству кафедр и преподавателей, по размеру должностных окладов и квот, предназначенных на содержание учебного заведения. Эти старания привели к тому, что в середине 1890-х гг. варшавские профессора сами разработали проект нового устава ВУ, который, сохраняя ряд положений устава 1869 г., учитывал во многих пунктах постановления общероссийского устава 1884 г. Однако предложенный ими устав так никогда и не был проведен в жизнь.

В заключение рассматривается вопрос об участии варшавских профессоров в разработке общероссийских нормативных актов в отношении российской высшей школы. При этом они опирались на опыт Варшавского университета, обладавшего отличным от других российских университетов юридическим статусом. Чувствуя связь со всем российским университетским миром, они также деятельно участвовали в борьбе академического сообщества за свои свободы. В 1901 г., на волне общероссийской дискуссии о реформе университетов, профессора ВУ разработали собственный проект нового устава, вполне отвечающий принципам университетской автономии. Ряд представителей варшавской профессуры приняли также активное участие в образовании и деятельности первого профессионального союза российских преподавателей – Профессорского академического союза – и в подготовке нового законодательства для российских высших учебных заведений, начатой министерством просвещения.

Перевод с польск. Ольги Каштановой

Ян Трынковский (Варшава)

Paradisus animae.

**Дерптский (Тартуский) университет
в воспоминаниях польских студентов**

Открытый в 1803 г. Дерптский (Тартуский) университет достаточно быстро получил признание молодежи с территорий бывшей Речи Посполитой, чьи земли в результате разделов вошли в состав Австрии, России и Пруссии. Для этого были свои причины. Прежде всего, этому способствовала репутация блестящего учебного заведения с замечательными преподавателями. Не менее важным было и то, что, пользуясь определенной автономией, которой были лишены другие учебные заведения Российской империи, Тартуский университет обеспечивал своим студентам такой уровень свободы, который они вряд ли бы могли найти в каком-то другом месте. Только здесь могли функционировать студенческие союзы (в том числе и польские).

После подавления царизмом Ноябрьского восстания 1830 г., в результате которого были закрыты университеты в Вильно и Варшаве, Дерптский университет оказался наиболее близко расположенным к районам проживания польской молодежи высшим учебным заведением (Университет св. Владимира в Киеве, возникший в 1834 г., только начал зарабатывать себе репутацию и признание). Часть молодежи протестантского вероисповедания (евангелистско-аугсбургского и евангелистско-реформатского), как магнит, притягивал единственный в Российской империи факультет протестантской теологии.

Все это не только способствовало формированию в представлении польского общества определенного реноме Дерптского университета как исключительного учебного заведения, но и создавало подходящую почву для возникновения вокруг него своеобразного мифа. Неслучайно студентов этого университета называли «дорпатчиками» – что являлось синонимом своеобразного «знака качества». Слушатели никакого другого учебного заведения России не могли похвастаться подобным отличием (по крайней мере в польскоязычной среде).

Большое количество (около 30) дневников и другого рода мемуарных текстов, которые нам оставили польские слушатели этого университета, а среди них такие известные люди, как Игнаций Барановский, Бенедикт Дыбовский, Болеслав Лимановский, Густав Мантойфель, Юзеф Вейсенхоф или Мариан Здзеховский, не только подтверждают выше изложенное мнение, но даже и несколько приукрашивают реальный образ.

Воспоминания, написанные в основном на закате жизни, окрашены ностальгическими воспоминаниями молодости, и потому не лишены некоторых преувеличений. Профессор Мариан Здзеховский писал о Дерпте, что это был для него *paradisus animae* – *рай души*.

Кроме «балтийских» немцев, которые воспринимали этот университет, как свой собственный и чувствовали себя в нем хозяевами, в нем училось и значительное количество русских студентов. Поэтому было бы очень интересно узнать их мнение и впечатления о Alma Mater Dorpatensis.

Перевод с польск. Стефании Кочегаровой

Андрей Тихомиров (Гродно–Варшава)

Историографическая школа М.О. Кояловича в контексте польско–российских отношений

«Западнорусской идее» принадлежит заметное место среди идейных течений на землях западных губерний Российской Империи во второй половине XIX – начале XX века, в интеллектуальном наследии западнорусской школы, сформировавшейся в регионе, который вошел в состав России в результате трех разделов Речи Посполитой в конце XVIII века. Долгое время, вплоть до начала Январского восстания 1863 г., в большинстве случаев считалось, что эти земли находятся под влиянием польской культуры, но вместе с тем подчеркивалось их русское происхождение (слово «русский», как правило, выступало как синоним слова «российский»). Сам факт присоединения белорусских и литовских земель к Российской империи считался достаточным аргументом в дискуссиях об их культурной, этнической и исторической принадлежности к России.

Развитие польского национального движения в XIX в. и интенсивная интеллектуальная работа его представителей выразились в появлении значительного количества посвященных этим землям публикаций, которые охватывали историю, этнографию, а также другие сферы гуманитарного знания. Уже то, что они публиковались в большинстве случаев на польском языке, являлось вызовом для российской науки. В связи с этим возникновение интереса представителей русской науки к землям «западных губерний» стало частью интереса к собственной истории вообще и было связано с развернувшейся в то время в европейской науке дискуссией о принципе национальности и

о природе этничности. Этот интерес стал интегральной предпосылкой возникновения славистики как достаточно широкой и комплексной научной дисциплины. Стимулом для российских исследований в этом направлении послужили труды польских и чешских ученых (особенно работы историков и юристов Виленского университета первой половины XIX века).

«Западнорусизм» как интеллектуальное течение и как политическая практика возник во второй половине XIX в., явившись результатом многих политических и культурных процессов на украинских и белорусско–литовских землях, а также в самой России. Важным фактором был и общепольский контекст, включая и польские земли в составе Пруссии и Австрии. Знаковыми событиями для формирования «западнорусского» идейного течения являлись ликвидация в 1839 г. в России греко–католической церкви, падение крепостничества и Польское восстание 1863–1864 гг., без которого «западнорусское возрождение»¹ вряд ли стало бы предметом исследования ученых.

«Западнорусизм» представлял собой специфическое течение позднего российского славянофильства. Его отличительной особенностью было внимание к определенному географическому региону – «Западной России/Руси», охватывавшему практически всю территорию Великого княжества Литовского (до заключения Люблинской унии 1569 г.). Сама история Великого княжества Литовского стала одним из главных предметов научных исследований его адептов.

«Западнорусизм» был конгломератом очень разных явлений в историографии, публицистике, литературной и политической деятельности. Однако его интеллектуальным фундаментом была историографическая школа, сложившаяся в Петербургской православной духовной академии, основоположником которой был М.О. Коялович (1828–1891). Его обширные исследования по истории униатства, не сводились к истории церкви, а охватывали весь исторический контекст. Суждения и оценки ученого основывались на категориях морали. Религиозные вопросы, очень важные для «западнорусских» историков (большинство которых были выходцами из духовенства), послужили исходным пунктом для рассуждений на темы историософии, политики и национальных проблем. История «Западной России» трактовалась ими как череда взлетов и падений «духа народа», его религии, которая по сути отражала борьбу славянского (православного) элемента с западноевропейским (католическим). Православие являлось в этом случае «природной» и «народной» религией, позиции которой оказалась значительно ослаблены в результате «поль-

ско–шляхетской экспансии» и «латинской пропаганды» во времена Речи Посполитой. Тем не менее, упомянутый «дух народа» сохранялся и в рамках греко–католической церкви. Россия здесь выступала, как естественный центр притяжения для «западных губерний», как цивилизация, которая определила культурный и политический облик этих земель, а затем освободила их от власти Польши. В этом смысле школа Кояловича является одной из важнейших попыток интерпретации польско–российских отношений в контексте борьбы двух стран за земли Литвы, Беларуси и Украины.

Изучение «западнорусской» историографической школы встает перед существенной проблемой, заключающейся в колебании самосознания и научной позиции историков между традиционным пониманием этничности и появившимся в то время национализмом, что приводит к многочисленным противоречиям в интерпретации текстов ученых –«западнорусистов», к трудностям в определении их взглядов и эволюции их позиций. «Западнорусизм» претендовал на роль властителя умов в «западных губерниях», при этом он не всегда соответствовал взглядам официальных властей, которые использовали его как политический инструмент, в частности, в осуществлении политики русификации, а также для укрепления позиций православной церкви на землях «западных губерний».

Школа Кояловича, основные методологические принципы и тематика исследований которой были сформулированы самим основоположником, охватывала деятельность не только академических ученых Петербурга, но и историков западного региона, особенно Вильно. Однако отсутствие мощного научного центра после закрытия Виленского университета создало большие трудности для ее развития. Несмотря на существование в Вильно нескольких научных центров, невозможность широкого распространения взглядов «западнорусистов» серьезно препятствовала научной дискуссии в рамках школы, став одной из причин ее превращения в «провинциальное» научное направление. Тем не менее, следует отметить, что до 1890-х гг. школа Кояловича являлась единственным научным направлением, занимавшимся историей белорусско–литовских земель в рамках русской историографии, представители которой публиковали свои научные работы на русском языке.

Белорусско–литовские и украинские земли в интерпретации школы М.О. Кояловича являлись ареалом польско–российского пограничья и одновременно зоной перманентного конфликта. Следует также отметить некоторое сходство «западнорусизма» с москвофиль-

ством и русофильством Галиции, пророссийскими движениями в Литве и Эстонии. Возможно также сравнительное изучение «западнорусизма» и «идеи отечества», которая возникла в польской среде в Литве и Беларуси.

Перевод с польск. Стефании Кочегаровой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Миловидов А.* Заметки из эпохи западно-русского возрождения шестидесятых годов. – Vilniaus Universiteto Biblioteka, Rankraščių Skyrius (Dział Rękopisów Biblioteki Uniwersytetu Wileńskiego). Rkp. Sygn. F 36–AM 65. K. 1.

Ирэна Водяновская (Люблин)

Конфессиональные отношения в Речи Посполитой на рубеже XVI–XVII веков в работах П.Н. Жуковича

Попытки объединения христианской церкви после ее раскола в XI веке предпринимались несколько раз. Вопрос единства церкви, без сомнения, имел большое значение не только с религиозной точки зрения, но и с политической. В особенности это касается ситуации, сложившейся на землях Речи Посполитой. Профессор Платон Николаевич Жукович (1857–1919), многие годы преподававший в Петербургской православной академии, в своих исследованиях уделил большое внимание сложным взаимоотношениям между православными и католиками на украинских и белорусских землях шляхетской Речи Посполитой.

П.Н. Жукович был сыном православного священника, происходившего из шляхты города Пружаны Гродненской губернии. Сначала он учился в Кобринской духовной школе, затем в Литовской православной семинарии, а после нее в Петербургской духовной академии, будучи всегда в числе лучших учеников. В Академии он избрал факультет церковной истории, который возглавлял М.О. Коялович, один из выдающихся историков православной церкви.

Уже во время учебы Жукович заинтересовался отношениями между христианами разных конфессий и до последних дней жизни изучал отношения между католиками и протестантами, а также между католиками и православными на территории шляхетской Речи Посполитой в XVI–XVII вв. Начало этому положил очерк жизни и деятель-

ности кардинала Станислава Гозия. Результатом углубленных и систематических исследований по данной проблематике стал труд П.Н. Жуковича «Кардинал Гозий и польская церковь его времени» (СПб., 1882), за который ученый был удостоен магистерской степени.

После окончания академии (1881 г.) он работал преподавателем географии и арифметики в духовном училище города Полоцка, потом был смотрителем духовного училища в Вильно, а с 1884 г. – преподавателем истории церкви в Литовской духовной семинарии.

Педагогическая работа не прервала его научных изысканий. Во время пребывания в Вильно он активно работал с документами Архива древних актов и Публичной библиотеки. Результатом этой работы стала книга «О русском землевладении в Северо-Западном крае со времени присоединения его к России», а также целый ряд статей в «Виленских ведомостях» и «Литовских епархиальных ведомостях». Его особенно интересовали вопросы развития католического образования и школьного дела, а также его распространения на землях Литвы и Беларуси. Свое внимание ученый сосредоточил на истории Виленской духовной семинарии и базилианской школы. Жукович был одним из первых историков, занимавшихся историей греко-католического образования. В своих исследованиях он выдвинул тезис, вполне впрочем, в духе царской политики русификации, которая осуществлялась на тех землях, о необходимости отстранения католиков от работы в Виленском учебном округе. Так же, как ранее, 30 лет назад, виленский генерал–губернатор М. Н. Муравьев, он пришел к выводу, что деятельность католиков в сфере образования несет в себе угрозу единству России. П.Н. Жукович вслед за Муравьевым, епископом Иосифом Семашко и уже упоминавшимся М.О. Кояловичем, выступал за создание в Вильно Православной академии, которая должна была укрепить позиции православия в Северо–Западном крае. Сюда, после «воссоединения» униатов с православными для занятия церковных должностей присылали представителей духовенства из внутренних районов империи. Создание Академии должно было усилить позиции местных уроженцев среди православного клира, прежде всего, путем подготовки знающих местные реалии и язык приходских священнослужителей. Жукович считал также необходимым ввести в курс академии несколько новых предметов, таких как история западнорусской церкви, полемическая теология и литовский язык. Идеологически он был представителем «западнорусизма» – идейного течения, возникшего на северо-западных землях империи, основателем которого был его учитель – М.О. Коялович, введший в научный обиход но-

вый термин «Западная Россия». Сторонники этого течения считали, что северо–западные земли империи были в культурном и государственном отношении частью России, а их жители, как например, белорусы, ответвлением русского этноса. Однако исторически эти земли были также частью Польско–Литовского государства, здесь возникла уния, и существовали острые религиозные противоречия, в результате чего история православной церкви на этих землях развивалась особым путем. Отсюда П.Н. Жукович выводил необходимость изучать в будущей Академии историю западнорусской церкви, показывая ее вечное тяготение к ортодоксальному православию.

После смерти М.О. Кояловича (1891) П.Н. Жуковича пригласили возглавить кафедру истории в Петербургской духовной академии. В качестве пособий для студентов он во время работы в академии издал конспекты своих лекций, в частности, «Российская история» (1895), «Смутное время и воцарение Романовых» (1913). Кроме этого он изучал царскую политику и положение населения на землях, отошедших к России после разделов Польши. Это подтверждают следующие публикации: «Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины II» (1910), «Сословный состав населения в Западной России в царствование Екатерины II» (1915). Он также работал над составлением библиографии истории Беларуссии.

Писательская и научная активность П.Н. Жуковича обусловили его участие во многих научных обществах и комиссиях. Он был членом Русского исторического общества, императорского Русского географического общества, Комиссии по разбору и описанию архива Священного Синода, Научного общества имени Тараса Шевченко, кроме того, он был почетным членом императорского Археологического института, Полтавской церковной историко–археологической комиссии, членом–корреспондентом Российской академии наук.

Как депутат Петербургской духовной академии, Платон Жукович принимал участие в заседании Собора Русской православной церкви, созванного в 1917 г. Он работал над совершенствованием высшего церковного образования, будучи составителем проекта устава духовных академий.

Фундаментальным трудом П.Н. Жуковича стала защищенная после десятилетней работы в Академии докторская диссертация на тему «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией до 1609 г.» (СПб., 1901). В 1903–1912 гг. он издал работу «Сеймовая борьба православного западнорусского дворянства с церковной унией с 1609 г. до 1632 г.». Появлению этого шеститом-

ного издания предшествовали многолетние исследования, результаты которых получили отражение в книгах, статьях, публикациях исторических источников.

В «Сеймовой борьбе...» П.Н. Жукович рассмотрел историю сопротивления украинских и белорусских общественных сил религиозному гнету в начале XVII в. (до времени смерти короля Сигизмунда III Вазы). Заключение церковной унии Жукович рассматривал как следствие борьбы католического и православного миров, как акт насильственной ассимиляции православной шляхты. Вышеуказанный труд будет главным предметом анализа с точки зрения отношений между католиками и православными на землях Речи Посполитой, а также вопроса, насколько он отражает взгляды западорусизма.

Перевод с польск. Стефании Кочегаровой

Антоний Кучиньский (Вроцлав)

**Состояние и задачи
польско–российского сотрудничества
в области изучения научной деятельности
поляков в Сибири**

В настоящее время для исследователей, занимающихся проблемой изучения истории пребывания поляков в Сибири, их вклада в науку, экономическое развитие края и их участия в управлении территориями, расположенными за Уралом, существенным является овладение уже накопленными в этой области знаниями и в полной мере включение в научный оборот уже полученных результатов исследований. Следует также наметить и определить, что необходимо и возможно сделать в этом направлении в дальнейшем. Прделанная работа, несомненно, заслуживает позитивной оценки и может являться своего рода образцом для решения последующих задач, стоящих перед современной польской и российской наукой в этой сфере научных исследований.

Таким образом, на одном полюсе находятся размышления о достигнутых достижениях и их оценка, а на другом – поиск оптимальных решений на будущее, с учетом уже проделанной работы. Научное наследие польских ученых имеет давнее происхождение, а его основы были заложены еще в XIX в., когда русская наука оказала поддержку ссыльным–полякам в проведении естественно–научных исследований, а также исследований в области народоведения (этнографии). Наряду с положительной оценкой научным сообществом

России работы, проводившейся поляками, признавались также и их достижения.

На первом плане в этом наследии находятся исследования по естественным наукам Б. Дыбовского, Я. Черского, А. Чекановского и других, нашедшие отражение в научных изданиях на русском языке, а также в названиях природных и географических объектов. Ярким свидетельством чего являются названия гор и горных хребтов на карте Сибири, например, Горы Черского, Горы Чекановского, Гора Дыбовского, Гора Пилсудского (на Сахалине). Среди других направлений научных изысканий можно отметить исследования по этнологии и лингвистике автохтонных этносов, которые проводились поляками в XIX в. на огромных пространствах Сибири. В этой практически необъятной области работали Ю. Ковалевский* – по культуре бурятов; Б. Дыбовский – по культуре ительменов и коряков; Б. Пилсудский – по этнографии айнов и нивхов; В. Серошевский – по культуре якутов, а также Э. Пекарский – автор фундаментального словаря якутского языка и др. Несомненно, указанные исследования по истории материальной культуры, общественной и духовной жизни народов Сибири имеют высокую научную ценность и были бы невозможны, если бы ссыльным польским ученым не были бы созданы благоприятные условия для проведения научных работ.

Важной вехой в истории изучения Сибири и Дальнего Востока было создание в 1851 г. Восточносибирского отделения императорского Русского географического общества с центром в Иркутске, что стало значительным стимулом к развитию с этого времени культуры и науки в регионе. Общество и его отделения на местах оказали поддержку А. Чекановскому, Я. Черскому, Б. Дыбовскому, Ю. Талько-Грынцевичу, Б. Пилсудскому и др. Нередко в различных формах им оказывали содействие и местные статистические комитеты, музеи, местная администрация и предприниматели, которые были заинтересованы в совершенствовании форм хозяйствования на территории Сибири. Одним из примеров может служить финансовая помощь, оказанная торговой фирмой А.Л. Громовой – В. Серошевскому, для издания его знаменитого труда «Якуты. Опыт этнографического исследования» (СПб., 1896). А исследования Б. Пилсудского по этнографии и фольклору айнов получили финансовую поддержку властей Сахалина, а также ряда научных учреждений Петербурга и Владивостока. Материальной поддержкой властей, а также предоставляемыми

---

* Ковалевский Осип Максимович.

служебным положением возможностями пользовался в своих исследованиях алтайских и тибетских языков В. Котвич, после окончания филологического факультета Петербургского университета служивший в Восточном отделе канцелярии министра финансов.

Некоторый отход от проблематики польских научных исследований в Сибири произошел в Советском Союзе в первые годы после Октябрьской революции и восстановления независимой Польской Республики. Помимо различных причин политического свойства, это было связано и с кадровыми проблемами. Многие русские ученые эмигрировали из Советской России, многие польские ученые возвратились на родину, хотя некоторые из них продолжили работать в Советском Союзе. В 1928 г. Б. Дыбовский стал членом-корреспондентом Академии наук СССР, В. Котвич, до своего возвращения в Польшу в 1923 г., в 1920–1922 гг. был директором Института живых восточных языков в Петрограде. Там же продолжил работу над фундаментальным словарем якутского языка Э. Пекарский – член-корреспондент (с 1927 г.), почетный член АН СССР (1932 г.). В польской историографии проблема участия польских ученых в изучении восточных регионов России наиболее полно освещена в фундаментальных исследованиях Я. Рузевича (Институт истории науки и техники ПАН) опубликованных в 1975–1988 гг. и вошедших в фонд современных исследований по изучению Востока. Существенным дополнением для разработки этой проблематики может послужить в наши дни малоизвестная среди исследователей переписка между польскими и российскими учеными (в их числе В. Арсеньев, Р.Р. Маак, Г.Н. Потанин П.П. Семенов Тянь-Шаньский, Л. Штернберг и др.), хранящаяся в архивах Читы, Иркутска, Якутска, Томска, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Владивостока, Львова, Кракова, Варшавы. Она свидетельствует о многочисленных научных контактах между учеными России и Польши и дает материал для изучения одного из важных исследовательских аспектов, вписывающихся в программу польско-сибирских научных связей. Этот важный комплекс источников, пока еще слабо использованный и недооцененный, достоверно отражает польско-российские научные контакты, связанные с Сибирью, и в широком смысле – с российской наукой. Он открывает возможность проведения дальнейших исследований, позволяющих понять, как в столь необыкновенно трудных условиях поляки-ссылные осуществляли этнографические и естественно-научные исследования за Уралом. Изучение и демонстрация такого противоречивого соединения и противостояния науки и жизни позволит всесторонне раскрыть и допол-

нить новыми чертами образ феномена польско–российского научного взаимодействия, который уже создан в концепциях историков науки, а также запечатлен в эпистолярных источниках, научно–популярных работах и в воспоминаниях, придающих этому явлению своеобразный колорит осязаемости. Запечатлен он и в судьбах людей науки, в истории их научных поисков и достижений в изучении Сибири.

Общепринятый хронологический подход к рассмотрению задач польско–российского сотрудничества, освещающий в рамках большой монографической темы вклад поляков в науку, культуру и хозяйство Сибири до начала XX в., требует также упоминания о том, что в годы Второй мировой войны, а также в течение первых лет по ее окончании естественный ход событий отодвинул эту проблематику на задний план. Однако со временем она стала возвращаться в сферу интересов исследователей, прежде всего в рамках истории польско–российских революционных связей. Исследование традиций этого движения, волей-неволей, расширяло источниковую базу по истории поляков в Сибири.

В послевоенной советской историографии проблематикой польско–сибирских контактов занимались несколько исследователей, особенно в Иркутске, где в 1973–1989 гг. были изданы 11 томов серии «Ссылльные революционеры в Сибири (XIX в. – февраль 1917 г.)». В них были опубликованы статьи по проблемам польского научного и культурно–хозяйственного наследия в Сибири, компактно входившего в общее понятие «ссылльные революционеры». Однако еще до того, как эта серия вышла в свет и стала достоянием научной общественности, в 1956 г. в Иркутске были изданы книги «И.Д. Черский. Неопубликованные статьи, письма и дневники. Статьи о И.Д. Черском и А.И. Черском» и в 1962 г. – «А.Л. Чекановский. Сборник неопубликованных материалов А.Л. Чекановского. Статьи о его научной работе», инициатором издания и редактором обеих книг был выдающийся палеонтолог академик С.В. Обручев.

Важным событием, расширившим область изучения польско–российских связей в Сибири, стало подписание в 1957 г. соглашения между Институтом истории ПАН и Институтом славяноведения АН СССР об издании источников по истории Восстания 1863 года, которое возглавили: с польской стороны С. Кеневич, а с советской – И.С. Миллер и В.А. Дьяков. Принимавшие участие в этом издании польские и российские ученые исследовали и ввели в научный оборот весомый материал по истории польских ссыльных за Уралом, не только приумножив знания по данной проблеме, но и усилив

ее общественное звучание. Творческий подход в польско–советском сотрудничестве в ходе реализации издания вызвал к жизни новые инициативы, расширившие первоначальные намерения редакционного комитета. Важным форумом по обмену научными мнениями о различного рода польско–советских контактах в области науки, культуры, экономики, истории католической церкви стала Комиссия историков Польши и России Польской и Российской академий наук, организующая регулярные конференции. Представляемые на них доклады и выдвигаемые научные предложения определяют новые направления, касающиеся различных аспектов польско–российских отношений, в том числе и вклада поляков в освоение Сибири, вырастающего до роли важной совокупности свидетельств о прошлом в широком спектре традиций.

То же самое относится и к сотрудничеству между учеными наших стран, которое уже давно установилось в Институте истории науки ПАН (1969 г.), в области наук о Земле и этнографических исследований. Его результатом было проведение симпозиумов, организованных как в Польше, так и в СССР (России), а также издание материалов конференций, способствовавших углублению познаний и уточнению научных перспектив. Уже на первом этапе это сотрудничество взаимно дополняло исследования как российских, так и польских ученых, тем самым нередко стимулируя заинтересованные стороны пересматривать ранее поставленные задачи. Соответствующие публикации помещались на страницах «Квартальника истории науки и техники», «Исследований и материалов по истории польской науки», а также в периодическом издании «Аналекта. Исследования по истории науки», издававшихся Институтом истории науки ПАН.

В наше время на территории Сибири наряду с возрождением культурной жизни местной Полонии существующие там объединения стимулируют исследования в этом направлении, собирают материалы, создают комнаты памяти, даже музеи, например, в Тюмени и Томске. Там есть также ученые польского происхождения, которые не чуждаются этой тематики. В Иркутске работает Б.С. Шостакович, в Абакане – С. Леончик. Р. Оплаканская из Абаканского университета занималась поисками следов пребывания поляков на территории Западной Сибири. Профессор Алтайского университета в Барнауле В. Скубневский выявил в многочисленных сибирских архивах сведения о хозяйственной деятельности поляков в Сибири. Историей поляков в Сибири в XVII–XVIII вв. занимается Л. Островский в Новосибирске, Лариса Юшук изучает архитектуру католических (польских)

костелов в Сибири. Во многих академических и университетских центрах Сибири были подготовлены кандидатские диссертации по польско-сибирской проблематике. Помощь молодым исследователям в этом оказывают польские ВУЗы и фонды поддержки ученых, например «Касса им. Ю. Мянковского». В последние годы состоялось несколько конференций, посвященных истории поляков в Сибири, в Иркутске, Якутске, Томске, Улан-Удэ, на Камчатке и на Сахалине. Одну из таких конференций по культуре айнов, нивхов и ороков организовал Сахалинский областной музей, посвященную научному восприятию исследований Б. Пилсудского*. При музее был создан Институт научного наследия Б. Пилсудского, издающий ежегодник «Известия Института...» и другие публикации. Политические изменения на рубеже XX–XXI веков сделали возможным сооружение памятников в 1991 г. в Южно-Сахалинске – Б. Пилсудскому, а в 2002 г. в Якутске – ссыльным полякам и выдающимся исследователям Я. Черскому, А. Чекановскому, Э. Пекарскому и В. Серошевскому.

Таким образом, сейчас мы можем вместе писать историю пребывания поляков в Сибири. Можно сказать, что сбылось предвидение П.П. Семенова Тянь-Шанского, который более столетия назад оказывал помощь исследователям-полякам, будучи убежден, что наука – это цель всего человечества, во имя которой должны исчезнуть национальные предрассудки.

Перевод с польск. Галины Макаровой

Виктория и Рене Сливовские (Варшава)

Польские ссыльные в первой половине XIX в. – распространители просвещения в Восточной Сибири

Польские ссыльные появились в Сибири в очень давние времена – как пленные в период войн Стефана Батория, потом барские конфедераты, некоторые из них даже приняли участие в пугачевском бунте, позже там оказались участники восстания Тадеуша Костюшко, затем – те, кто участвовал в Восстании 1830–1831 гг. Из числа последних многие пополнили ряды трех отдельных корпусов российской армии: Кавказского, Оренбургского и Сибирского, некоторые были отправлены в арестантские роты и, наконец, в обычные воин-

---

* Бронислав Осипович Пилсудский.

ские части. Сосланные в Вятку офицеры вскоре вернулись на родину, за исключением руководителей во главе с Петром Высоцким. В разных местах происходили встречи поляков–рядовых с их соотечественниками, в дальнейшем также приговоренными к ссылке за участие в освободительном движении – с участниками экспедиции Юзефа Заливского и с членами конспиративных организаций, которые одна за другой возникали в период между двумя восстаниями. Однако только с прибытием за Уральский хребет в 1839 г. членов Содружества польского народа, основанного Шимоном Конарским, появились молодые образованные люди, которые были связаны друг с другом как кровными узами, так и общим делом, тюремными заключениями в Варшаве, Киеве и Вильно, прошедшие через следствие и военный суд, и, наконец, преодолевшие тяжелый путь по этапу пешком или на телегах, в Сибирь.

Жизнь по прибытии на место оказалась для них тяжелой, но в ином отношении, чем это им представлялось. Многие зависело от местных властей, которые значительно больше были заинтересованы в использовании образованных «польских бунтовщиков» на другом поприще, нежели в шахтах или на выварке соли. До столиц было далеко, о прибытии возможных ревизоров знали заранее, а так называемые комиссии, проводившие инспекции, как правило, закрывали глаза на подобные нарушения.

О роли, которую играли ссыльные поляки в Сибири в этот период (а также и позднее), уже давно известно, об этом написаны многочисленные статьи, а Барбара Ендрыховская посвятила целую книгу их просветительской и культурной деятельности¹. Во всяком случае, издание в полном варианте обнаруженного в Вильнюсе – из рапперсвильских коллекций – дневника Юлиана Сабиньского, участника движения Конарского, который последовательно отрицал свое участие в заговоре, показало читателю, какую огромную просветительскую работу вели в Восточной Сибири польские каторжане и поселенцы².

Дневник повествует, как сразу же по прибытии ссыльных в Усолье (Усоле) комендант сибирских солеварен Андрей Мевуис оставил на месте двух приговоренных к каторжным работам: это были полиглот Сабиньский и известный художник Леопольд Немировский, с тем чтобы стали домашними учителями его детей. Это было только начало. Сосланные в каторжные работы в Нерчинск «конаршики» также приобрели известность как прекрасные учителя. Дневник Юлиана Сабиньского рассказывает, как проходило это обучение, на-

сколько оно было разносторонним и каких немалых усилий требовало от педагогов. Сабиньский, который приобрел в этом качестве широкую известность, обучал также детей декабристов Волконских и Трубецких. С этими семьями его связывала сердечная дружба. Сабиньский рассматривал свою учительскую работу как миссию. С тех людей, кому он чем-либо был лично обязан, он не брал платы, так же как и со всех тех, кто хотел изучать польский язык и интересовался польской литературой. Свои знакомства, приобретенные в результате преподавательской деятельности (например, с семействами генерал-губернаторов или военных начальников), он использовал, чтобы освободить нижних чинов-поляков от тягот солдатчины и найти им возможность давать уроки музыки, танцев или языков среди иркутских купцов, которые могли бы платить за это скромное жалованье. Сам же Сабиньский был не в состоянии обучать всех желающих и многих из них передавал своим коллегам. Все поляки, кто уже получил какое-то образование на родине, прежде чем попасть в руки российских властей, от учителя Петра Боровского до юных учеников и студентов, делились своими познаниями и продолжали учиться сами, распространяли просвещение в социальных средах, послуживших в будущем основой для формирования сибирской интеллигенции. Дневник Юлиана Сабиньского – это сокровищница конкретных сведений, как происходило распространение знаний, как готовилась молодежь Сибири к поступлению в гимназии и университеты, что требовалось для обучения девочек и какие науки должны были изучать мальчики, а также, чем интересовались их родители и какие доходили сюда книги и журналы из Европы.

Когда в коронационном манифесте Александра II было объявлено о возможности для большинства ссыльных поляков возвратиться на родину, в Сибири их провожали с искренним сожалением, о чем писала местная печать. Чем были вызваны эти чувства? Ответ на этот вопрос дает рукопись в тысячу страниц необыкновенного дневника замечательного автора – Юлиана Глаубича Сабиньского.

Перевод с польск. Галины Макаровой

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Jędrychowska B. Polscy zesłańcy na Syberii (1830–1883). Działalność pedagogiczna, oświatowa i kulturalna. Wrocław, 2000.*

² *Sabiński J.G. Dziennik syberyjski / do druku z rękopisu przygotowali Wiktoria i René Śliwowsy, przedmową i przypisami opatrzył Jan Trynkowski. Warszawa, 2009. T. 1–3.*

Мария–Магдалена Бломберг (Лодзь)

**Связи польских ученых
с императорским Русским географическим обществом
в области археологии
в XIX – начале XX века**

В XIX – начале XX века поляками, лишенными собственной государственности, был оставлен заметный след в науке. Ими велись исследования практически везде, куда их забросила судьба, они трудились в разных областях науки, в том числе в археологии. В период, когда земли Речи Посполитой были разделены между Россией, Пруссией и Австрией, польские ученые и исследователи были вынуждены в большинстве случаев вести работу при помощи или в рамках научных организаций тех государств, которые захватили их родину. Предметом моего исследования являются научные связи с Русским географическим обществом, созданным в 1845 г. в России. Программа деятельности этого Общества включала, в том числе, изучение истории регионов и народов Российской империи. Главным образом эта задача реализовывалась в этнографическом и статистическом комитетах Общества. Археологический и этнографический материал собирался во время научных экспедиций как Географического общества, так и других организаций, а также в рамках реализации собственных исследований.

В Российской империи археологические общества действовали в Петербурге, Москве, Одессе, при университетах создавались кружки любителей древностей и, кроме того, при православной церкви организовывались общества, занимающиеся сохранением и изучением исторических памятников. Важную роль в изучении и охране памятников сыграла Российская императорская археологическая комиссия, образованная в 1859 г. в Петербурге при Министерстве императорского двора.

Мной уже написано несколько статей и книг, посвященных связям польских любителей старины и археологов с российскими археологическими обществами и организациями. В данном случае я бы хотела показать исследования, проводимые под эгидой или при поддержке и одобрении Географического общества. Важным свидетельством этих связей стали публикуемые в изданиях Общества результаты работы и передаваемые в собрания Общества предметы старины.

Важно подчеркнуть, что рамки сотрудничества определялись в зависимости от положения, в котором находились те или иные поль-

ские исследователи в России. В связи с этим следует сказать несколько слов о живших в империи поляках, которых можно разделить на несколько категорий. К первой следует отнести население, которое испокон веков добровольно заселяло земли, завоевываемые Россией. Вторая группа – это поляки, выбравшие государственную службу в российской армии, администрации и государственных учреждениях. Среди них были врачи, юристы, инженеры, купцы, учителя и преподаватели русских учебных заведений, рабочие фабрик и заводов. К отдельной категории принадлежали политические ссыльные, которых уже с XVIII в. отправляли на поселение и каторгу в Сибирь, Казахстан и другие регионы. Некоторые из них после окончания срока наказания оставались там навсегда. Поляки вели исследовательскую и научную работу в европейской части империи, в научных центрах, кроме того, проводили полевые исследования и геологоразведочные работы в разных частях империи.

Русское географическое общество широко определило стоящие перед собой задачи, охватывавшие сбор и распространение как в самой России, так и за ее пределами сведений о ее регионах, их описание, поиск минеральных видов сырья, изучение населения и этнических групп, сбор информации об экономическом положении регионов, изучение климата, почвы, флоры и фауны, климатических условий, а также истории и культуры, языков жителей России и всех, находящихся в границах империи территорий. Этнографические исследования касались как современного состояния племен, так и их прошлого.

Согласно поставленным задачам и целям Общество создавало отделения и комитеты, призванные реализовывать эти планы.

Любители древностей (археологи) вели работу в этнографическом и статистическом отделениях. При этом сотрудничество велось не только с Обществом в Петербурге, но и практически со всеми его региональными отделениями. Широкое определение научной и исследовательской деятельности способствовало тому, что Общество привлекало к сотрудничеству специалистов из разных областей науки. С целью финансирования экспедиций Общество обращалось к меценатам. В качестве примера П.П. Семенов приводит Эмерика Гуттен–Чапского¹, который на протяжении пяти с половиной лет вносил ежегодно 5 тыс. руб. для проведения экспедиций Восточно–Сибирским отделом, основанным в 1851 г.

Среди сотрудников Географического общества были исследователи, которые время от времени принимали участие в его работе, а также члены Общества с разным статусом. Среди членов Общества бы-

ли: почетный член – Адам-Гоноры Киркор¹ (археолог и этнограф); член-меценат – Эмерик Гуттен-Чапский; действительный член – Боле-слав Поповский (антрополог и археолог); Юлиан Талько-Грынцевич² (антрополог и врач); Кароль Богданович³ (геолог, горный инженер); Бронислав Громбчевский⁴ (путешественник, исследователь); Леон Бар-щевский; сотрудники: Ян Черский⁵, Миколай Витковский⁶. Кроме того, с Обществом были связаны исследователи древностей, не являвшиеся его членами: Готфрид Оссовский⁷, Казимеж Гроховский⁸.

<1>. Перечисленные исследователи работали в европейской части России. Например, Эмерик Гуттен-Чапский (1828–1896) присоединился к исследованиям Географического общества, которые проводились по поручению купечества и касались вопросов внутренней торговли. Было разослано в адрес организаций и частных лиц 1200 экз. анкет. К концу 1852 г. Общество получило 250 ответов, в том числе от Гуттен-Чапского, который выслал нужную информацию о Ярославской губернии.

Юлиан Талько-Грынцевич (1850–1936) занимался антропологическим исследованием этнических групп на Украине, в Белоруссии и Литве. Кроме того, он изучил скифские курганы в селе Рыжановка на Украине.

Адам-Гоноры Киркор (1819–1886), член Виленского губернского статистического комитета и Виленской археологической комиссии, проводил систематическую работу по инвентаризации археологических объектов, а также археологические раскопки в Литве и Белоруссии. Он интересовался народной культурой и создал этнографическую коллекцию в Вильне.

Готфрид Оссовский (1835–1897) в качестве члена Волынского губернского статистического комитета работал над созданием карты Волыни, содержащей информацию по физиографии, экономике региона и археологических объектах.

---

¹ Адам-Гонорий Карлович Киркор

² Юлиан Доминикович Талько-Гринцевич

³ Карл Иванович Богданович

⁴ Бронислав Людвигович Громбчевский

⁵ Иван Дементьевич Черский

⁶ Николай Иванович Витковский

⁷ Готфрид Осипович Оссовский

⁸ Казимир Владиславович Гроховский (прим a–h – прим. пер.)

<II>. Ян Черский (1843–1892) и Миколай Витковский проводили исследования в Сибири, куда были сосланы за участие в Январском восстании 1863 г. Они оба находились в Иркутске и принимали активное участие в работе Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, наиболее комфортным для научной деятельности оказался созданный при Обществе музеев.

В 1895–1908 гг. Юлиан Талько-Грынцевич был военным врачом в Троицкосавске (ныне Кяхта). В этот период он занимался изучением этнических групп Забайкалья и Монголии. С целью проведения сравнительного анализа им было изучено более 500 могил на кладбищах с ингумационным типом захоронений. Он был инициатором создания и главой Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела императорского Русского географического общества, а также редактором издаваемых трудов отделения.

В 1895–1897 гг. Готфрид Оссовский служил в Томской почтовой конторе Сибирского тракта. Вместе со Щепаном Залевским он проводил гидрогеологические исследования с целью поиска источников воды для Томска. Кроме того, он проводил археологические работы вдоль прокладываемой железной дороги, а также в научных целях совершал походы в Алтайские горы.

<III>. В Центральной Азии разносторонние исследования проводились Брониславом Громбчевским (1855–1926). По заданию Географического общества он проводил научные экспедиции на южный склон гор Каракорум, изучал пути в Афганистан, проводил исследования на границе Индии и Китая. Во время экспедиций он занимался сбором этнографического материала, фотографировал представителей различных этнических групп, хозяйственные постройки и памятники архитектуры.

Археологические исследования поляков (Яна Черского, Миколая Витковского) стали вкладом в изучение наиболее ранних поселений эпохи каменного века в Сибири. Леон Барщевский был первым, кто заинтересовался древней историей Самарканда, а во время раскопок открыл поселения времен походов Александра Македонского. Юлиан Талько-Грынцевич изучил и классифицировал антропологические типы населения Байкала со времен каменного века до современности. Владиславу Котвичу (1872–1944) во время поездок на север Монголии удалось обнаружить и расшифровать среди развалин древнего города Каракорум древние турецкие и монгольские надписи. В начале XX в. Казимеж Гроховский (1873–1937) одновременно с проведением поиска минерального сырья в Восточной Сибири собирал

этнографический материал, проводил раскопки древних развалин «города Чингисхана», а также искал следы города, существовавшего в корейском государстве Когурё.

Результаты исследований специалистов по древней истории расширили знания о древних поселениях в разных регионах Российской империи, стали серьезным вкладом в развитие российской науки, в изучение истории регионов, входящих в состав империи, а также в польские археологические исследования.

Проводимые польскими политическими ссыльными исследования были высоко оценены, а сами исследователи получили высокие награды, что послужило причиной смягчения наказания или освобождения (Я. Черский, М. Витковский).

Перевод с польск. Марии Крисань

Список литературы:

Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / под ред. Е.Н. Носова. СПб, 2009.

Императорское Московское археологическое общество в первое 50-летие его существования (1864–1914) / под ред. П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина. Т. 2. М., 1915.

Семенов П.П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества, 1845–1895. СПб., 1896.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Семенов П.П.* История полувековой деятельности императорского Русского географического общества, 1845–1895. СПб., 1896. С. 77.

Ежи Супады (Лодзь)

Естественнонаучные и антропологические исследования Юлиана Талько-Грынцевича в конце XIX – начале XX веков на Украине и в Восточной Сибири и русская наука

Юлиан Талько-Грынцевич – медик по образованию – кроме врачебной практики много времени посвящал археологическим исследованиям. В связи с этим его роль в истории российской науки следует рассматривать как в сфере археологии, так и медицины. Археологические исследования Ю. Талько-Грынцевича начались на Украине, где в середине 1880-х гг. он провел раскопки кургана в Рыжа-

новке. В начале 1890-х гг. он получил должность врача в Троицкосавске в Забайкалье. В Сибири он проводил археологические раскопки и антропологические исследования. Вместе с другими образованными жителями Кяхты Ю. Талько-Грынцевич основал Отделение императорского Географического общества, которым и руководил на протяжении многих лет, будучи соредактором «Трудов» общества, публикуя в них и собственные статьи. В 1895–1908 гг. ученый исследовал в общей сложности 500 могильников, выделив 5 типов захоронений. Результаты своих археологических и антропологических исследований Ю. Талько-Грынцевич представлял на заседаниях Отделения Географического общества. В 1902 г. в Санкт-Петербурге он выступил с докладом «Деревянные памятники Западного Забайкалья», в котором подвел итоги своей десятилетней научной работы. На рубеже XIX и XX веков Московское Общество любителей природы, антропологии и этнографии присудило Ю. Талько-Грынцевичу премию и золотую медаль имени А.П. Расцветова, а несколько лет спустя ученый стал членом этой организации. В 1902 г. он как представитель России был включен в число членов-корреспондентов Международного комитета по изучению Средней и Восточной Азии. В 1904 г. Русское географическое общество присудило ученому Большую золотую медаль.

Научные интересы Ю. Талько-Грынцевича касались и практической медицины. Во время своего пребывания на Украине он публиковал во многих польских и российских изданиях работы по гинекологии, а также о дифтерии, болезни Берда, стенокардии, и других болезнях. Главным достижением ученого за этот период была книга «Очерки народного лечения в Южной Руси», а также две публикации на русском языке: «Народное акушерство Южной Руси» («Земский врач», 1889) и «О народной медицине Южной Руси» («Вестник Европы», 1893). Во время пребывания в Сибири Ю. Талько-Грынцевич написал работы под названием «Несколько слов о тибетской медицине и ее отношении к фольклору» («Висла», 1898), а также «К вопросу об изучении физиологических явлений половой жизни женщин в Забайкалье», которые опубликовал в «Трудах Троицкосавского Кяхтинского Отделения императорского Русского географического общества». Во время работы в Сибири Ю. Талько-Грынцевич публиковал свои работы по большей части на русском языке, примером чего может быть его трактат «О чумных заболеваниях в Монголии», напечатанный в Москве уже в начале XX века.

Перевод с польск. Стефании Кочегаровой

Имам Махмуд Т. Жук (Варшава)

**Польские востоковеды
в русской и советской ориенталистике**

Первой заметной фигурой в русском востоковедении стал Юзеф (Осип Иванович) Сенковский (1800–1858), который еще во время учебы в Виленском университете пристрастился к литературе и полюбил восточные языки. Он достаточно быстро изучил арабский, турецкий, персидский, ассирийский, новогреческий языки и в 1822 г. получил назначение на должность ординарного профессора кафедры арабской и турецкой литератур Петербургского университета, проработав там до 1847 г. Его учениками были: М. Волков, В. Григорьев, П. Савельев, В. Тизенгаузен. Ю. Сенковский является автором около 440 научных работ. Он также писал по вопросу реорганизации обучения восточным языкам в России. С именем Сенковского неразрывно связана школа востоковедения в Санкт-Петербургском университете.

Среди петербургских востоковедов заметная роль принадлежала Игнацию Петрашевскому (1796–1869), а также Антонию Мухлинскому (1808–1877). Последний был выпускником Петербургского университета и ассистентом Сенковского, которого и сменил на посту заведующего кафедрой. Мухлинский изучал арабский, персидский, турецкий языки, помимо того, знал древнееврейский, армянский и санскрит; был вдохновителем исследований о литовских татарах. Вся его научная деятельность до момента выхода на пенсию прошла в России. Петрашевский окончил факультет восточных языков Петербургского университета, специализируясь в области арабского, персидского и турецкого языков. Он преподавал на кафедре у А. Мухлинского, кроме того, изучал мусульманскую нумизматику.

В Институте восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел учились Людвик и Александр Шпицнагели и Александр Ходзько. Здесь польские стажеры познакомились с преподавателем персидского языка мирзой Мухаммадом Топчи-баши, который с помощью А. Ходзько перевел на персидский язык сонет Мицкевича «Вид гор из степей Козлова». По мнению российских востоковедов, переложение сонета является первым переводом на персидский язык какого-либо произведения европейской литературы. Изучение фарси, начатое под руководством М. Топчи-баши, Александр Ходзько (1804–1891) продолжил, будучи на российской консульской службе. В Петербурге также учились Александр Шемиот (1800–1835), автор работы «*Historia rerum Abbasidorum*» («История

деяний Аббасидов») (Париж, 1823), и курдолог Август Жаба (1801–1894), составитель французско–курдского словаря.

Важным центром русского востоковедения была Казань и Казанский университет, выпускник которого монголист Юзеф Ковалевский (1801–1878) стал его профессором и ректором. Последние годы после возобновления работы Варшавского университета Ю. Ковалевский был его профессором. Он – создатель первой в мире кафедры монголистики и автор фундаментального монгольско–русско–французского словаря, изданного в Казани. Вместе с Ковалевским изучал арабский, персидский, турецкий языки Ян Верниковский (1800– 1877) – с 1827 г. преподаватель арабского и персидского языков в Первой Казанской гимназии, переводчик Хафиза.

Вторая половина XIX и начало XX веков стали периодом интенсивного развития русского востоковедения, определившим также характер и тенденции развития востоковедения в СССР. Значительный вклад в этой области был внесен и учеными–поляками. В это время работал выдающийся монголист профессор Владислав Котвич (1872–1944). Изучив монгольский, манджурский, китайский языки, он окончил факультет восточных языков Петербургского университета, где его учителями были самые выдающиеся тогдашние специалисты. В 1920 г. Котвич стал директором Института живых восточных языков в Петрограде и членом–корреспондентом Академии наук СССР (1923 г.). Он первым в России начал заниматься манджурской филологией. В этот период активно развиваются исследования Дальнего Востока (в частности российского), Восточной и Центральной Азии и Восточной Сибири. В этой области работал Эдвард Пекарский (1858–1934), исследователь якутов мирового масштаба, составитель словаря якутского языка. В трудах по изданию словаря его поддерживал В. Радлов (1837–1918). В якутологии работал также Адам Шиманьский (1852–1916). Исследования айнов предпринял Бронислав Пилсудский (1866–1918), народами же Сибири занялся профессор Юлиан Талько–Грынцевич (1850–1936), продолжатель работ В. Радлова, а корейской и китайской литературами – Ремигиуш Квятковский (1884–1961), который получил востоковедческое образование в Москве.

Продолжали развиваться и основанные еще в начале XIX века традиционные направления востоковедения. Здесь по окончании учебы на факультете восточных языков Петербургского университета работали Зыгмунт Смогожевский (1884–1931), занимаясь арабской, персидской, турецкой филологией на кафедре у профессора В. Бартольда (1869–1930); карайм Серия Шапшал, (1873–1961), за-

кончивший тот же самый университет, где изучал турецкий язык у профессора В. Смирнова (1846–1922), персидский – у профессора В. Жуковского (1858–1918), древнееврейский – у профессора П. Коковцова (1861–1942). В СССР С. Шапшал в качестве научного сотрудника участвует в работе над караимско–русско–польским словарем совместно с профессором Н.А. Баскаковым.

Одной из специфических черт российского востоковедения стало участие в ориентологических исследованиях специалистов – выходцев из литовских татар: Джамия Александровича, Леона и Ольгерда Крычиньских, которые свои первые работы издавали на русском языке. Из круга литовских татар также происходит тюрколог муфтий Якуб Шинкевич (1884–1966). В Институте восточных языков он изучал арабский, персидский, турецкий языки, первое светское образование, прерванное мировой войной 1914–1918 гг., он завершил в Берлине, где получил степень доктора.

Говоря о поляках, мы не можем обойти молчанием русских востоковедов, которые так или иначе были связаны с Польшей по месту рождения или в силу иных причин. Игнаций Крачковский (1883–1951) появился на свет в Вильно, где зародилось польское востоковедение. Арабист с мировой славой, а также иранист, тюрколог, полиглот, член польского Общества востоковедения, а с 1946 г. – ныне возрожденной Польской академии наук и искусств в Кракове. Василий Никитин (1885–1960), иранист, тюрколог, мать которого была полькой, знал польский язык, специализировался по курдской проблематике, ряд работ опубликовал на польском языке. Дружил с ведущими польскими востоковедами: З.С. Смогожевским, Ф. Махальским. Арабист, иранист, тюрколог – Борис Заходер (1898–1960), мать которого также была полькой. Любимый ученик профессора И. Крачковского, который об одной из его публикаций отзывался с величайшим признанием. Труды Заходера также издавались в Польше, а сам он неоднократно в научных целях посещал ее.

Поляки, учившиеся в России, познакомились с русским востоковедением на самом высшем европейском уровне, а также с многочисленными научными обществами, членами которых стали за высокие научные достижения. Некоторые из них имели выдающихся учеников, как Сенковский, Ковалевский. Получившие высшее профессиональное образование в России польские ученые заложили основы польского востоковедения. Они публиковали работы на французском, немецком, английском и польском языках и своими научными трудами внесли вклад в мировую ориенталистику. Библиография в

публикациях поляков (Ковалевского, Котвича, Пекарского и других) свидетельствует, что они пользовались достижениями как русских, так и западных востоковедов. Они внесли значительный вклад в мировую ориенталистику и заслуженно получили признание интернационального сообщества востоковедов, но, совершенствуя свои познания и обогащая мировую науку, они одновременно получили широкий доступ к накопленному ею научному потенциалу, к библиотекам, специальным журналам, а также рукописному наследию народов Востока в собраниях Европы, Азии, Америки.

Перевод с польск. Ольги Каштановой

Ч.Б. Желицки (Москва)

**Венгерское историческое общество
в научной и общественной жизни Венгрии
последней трети XIX века**

После поражения революции и национально-освободительной борьбы 1848–1849 гг. политическая обстановка в Венгрии явно не способствовала развитию в стране научных учреждений. Деятельность литературного Общества Кишфалуди была запрещена, а научные общества бездействовали. Только с середины 1850-х гг. и лишь в ограниченном объеме возобновила работу Венгерская академия наук (ВАН).

Созданный в 1854 г. Исторический комитет академии для «пробуждения и поддержания интереса пишущей и читающей публики к истории» начал публикацию исторических источников в рамках специальной серии, однако из-за отсутствия средств дело продвигалось с трудом. Академия вынуждена была обратиться за финансовой поддержкой к аристократии и распространять издание по подписке.

В конце 1850-х гг. была предпринята попытка преодолеть разрыв между главной научной организацией страны и научной общественностью. Тогда в академию были избраны представители молодого поколения ученых, работавших в провинции: историки Карой Рат, Шандор Силади, историк искусства, фольклорист Арнольд Ипойи, археолог Флориш Ромер, генеалог Иван Надь и др.

С заключением соглашения 1867 г., ознаменовавшего примирение венгерской политической элиты с династией Габсбургов, были устранены многие существовавшие прежде препятствия в развитии науки и образования. Со стороны общества, ставшего на путь буржуазной модернизации, возросла потребность в профессионально подготовленных кадрах, в научных исследованиях и проявилась готовность

применять их результаты на практике. Начала формироваться общенациональная сеть государственных школ, развивалось университетское образование. В 1872 г. в Коложваре (Клуже, Клаузенбурге) был основан второй университет Венгрии. Стремительное развитие переживали прежде всего технические и естественные науки, как более тесно связанные с потребностями экономики, но и общественные науки были на подъеме. В Будапештском университете свидетельством возросшей специализации, в частности исторического знания, стало появление в начале 1870-х гг. кафедры истории искусства и второй кафедры отечественной истории, а также разделение кафедры всеобщей истории на три: древнего мира, средних веков и Новой истории (1879 г.). Реорганизованный в 1874 г. Венгерский государственный (национальный) архив получил из Вены собрание документов Трансильванской и Венгерской придворной канцелярии, других органов власти, благодаря чему стал крупнейшей исследовательской базой историков.

Одним из ярких прогрессивных явлений научной жизни Венгрии последней трети XIX века стало создание Венгерского исторического общества (ВИО). Идеи институционального оформления исторической науки и ранее выдвигались в Венгрии неоднократно, начиная с XVIII в. Однако тогда они не получили воплощения, так как в то время история как наука ещё не выделилась в отдельную отрасль гуманитарного знания. В середине 1840-х гг. Янош Эрди разработал устав организации, в задачи которой входил бы сбор письменных источников и любых вещественных памятников истории венгерского и родственных ему народов, однако эти планы не были реализованы. Вместе с тем в работе Венгерского королевского общества естественных наук в середине XIX в. принимали участие и историки М. Хорват, Г. Венцел, И. Хенслманн. Понимание необходимости профессионального общения между проживавшими в разных частях страны учеными–историками, важности поддержки исторических исследований со стороны общества, проявлявшего все возрастающий интерес к национальному прошлому, привели в конце 1850-х годов к возникновению двух крупных региональных научных сообществ: Трансильванского музейного общества, объединившего краеведов, историков, археологов, этнографов, филологов, и Задунайского общества любителей истории, поставивших своей целью написание истории Венгрии, в которой нашли бы отражение не только политическое прошлое страны, но и её социальное, экономическое, духовное развитие. Они в значительной мере и послужили образцом для Венгерского исторического общества.

Общее оживление политической жизни в 1865–1866 гг., созыв Государственного собрания и непосредственная подготовка Соглашения 1867 г. о преобразовании государственного устройства монархии Габсбургов привели к активизации научной жизни в Венгрии. Во время подготовки общего собрания ВАН в январе 1867 г. историки выступили с рядом предложений. На заседании Правления Академии наук историк права Густав Венцел предложил создать Государственный архив. Фридеш Пешти выступил тогда же с инициативой основания исторического общества и занялся подготовкой издания исторического журнала «Сазадок» («Столетия»).

Непосредственно идея создания Венгерского исторического общества зародилась в среде «задунайских» историков. Они представляли себе ВИО как сообщество профессионалов, в котором ведущая роль принадлежала бы специалистам–историкам. На первых подготовительных совещаниях в начале февраля 1867 г. были выработаны принципы построения будущей организации по образцу академии со строго ограниченным числом членов. По представлениям «задунайцев» во всех вопросах, связанных с деятельностью Общества (изменение устава, распределение средств, избрание руководства и новых членов, поддержка определенных исследований, определение профиля изданий и т. д.), решения принимались бы действительными членами, т. е. специалистами–историками. Остальные две категории членов составляли бы публику, которая содержит общество за счет взносов. Членство в Венгерском историческом обществе было бы, таким образом, равнозначно признанию профессиональных заслуг. «Задунайские» историки стремились к тому, чтобы в научных вопросах решающее слово принадлежало ученым–исследователям, а не высоким чинам или меценатам–покровителям.

В дальнейшем, в известной мере под влиянием Венгерской академии наук, в план создания Общества и в его устав были внесены существенные изменения. Доступ в ВИО был открыт любому любителю истории, если общее собрание на основании рекомендаций избирало его своим членом. При этом все члены Общества были равноправны. Примечательно, что первым председателем ВИО стал не изначально намеченный на эту должность историк М. Хорват, незадолго до заключения соглашения 1867 г. вернувшийся на родину из эмиграции, а трансильванский меценат граф Имре Мико, занявший в новом правительстве Венгрии пост министра транспорта.

Таким образом, вместо организации узкого круга специалистов, независимой от Академии наук, Венгерское историческое об-

щество возникло на более широкой социальной основе, объединив в своих рядах как профессионалов–историков, так и более широкий круг любителей истории. Стремление к более тесной связи науки и общества отражал и устав ВИО, провозгласившего своей целью не только развитие отечественной исторической науки, но и популяризацию исторических знаний, их распространение, т. е. формирование и развитие исторического сознания общества. Один из руководителей Общества – историк М. Хорват в программной речи подчеркивал, что «не может быть сознательного национального чувства в том, кто не знает истории своей нации», но нация, по его словам, не может быть самоцелью, а лишь средством для достижения более высокой цели, а именно прогресса, приближения к идеалам человечества, однако при условии сохранения национальной самобытности.

Среди конкретных задач, стоявших перед членами ВИО, был критический отбор и определение круга исторических источников по малоизученным проблемам, в частности таким, как общественные отношения, семейная жизнь, буржуазные занятия, сфера чувств и духовных направлений» (М. Хорват). Наряду с популяризацией исторических знаний выездные заседания Общества, регулярно до конца 1880-х гг. проводившиеся в различных регионах страны, способствовали выявлению исторических источников в местных муниципальных, комитатских, церковных и семейных архивах. Результатом этой работы стали многотомные публикации документов, главным образом по средневековой истории Венгрии.

Функции Венгерского исторического общества, однако, всем этим не ограничивались. Издаваемый Обществом журнал «Сазадок» стал своеобразным организационным центром, объединившим вокруг себя историков, живших и работавших в разных частях страны. В журнале публиковались как статьи, так и исторические документы с комментариями, а также нашли себе место все жанры научной периодики. С момента своего основания Историческое общество работало в тесном сотрудничестве с Академией наук. В здании ВАН проходили и первые общие собрания Общества. В 1878 г. Исторический комитет ВАН передал Историческому обществу публикацию документов в серии «Венгерского исторического архива». В 1885 г. Общество приступило к изданию серии «Венгерские исторические биографии», рассчитанной на широкий круг читателей. Однако главной итоговой работой объединенных в ВИО историков стала опубликованная в 1890-е гг. многотомная «История венгерской нации» под редакцией секретаря Исторического общества, главного редактора журнала «Сазадок»

и других изданий ВИО – Шандора Силади. Без Венгерского исторического общества не обходилось ни одно значимое общественное мероприятие, связанное с историей страны.

На начальном этапе становления общества наблюдался бурный рост числа его членов, но в дальнейшем оно стабилизировалось на уровне около 2 тыс. чел. В основном это были представители интеллигенции, аристократии и дворянства, т. е. традиционной политической элиты, сыгравшей ведущую роль в буржуазном преобразовании Венгрии. К концу 1880-х гг. наблюдается падение общественного интереса к ВИО, сократилась и оказываемая ему финансовая поддержка, что не могло не сказаться на издательских проектах и других начинаниях Общества. Некоторое оживление наступило лишь в середине 1890-х гг., когда в связи с празднованием тысячелетия прихода венгерских племен в Карпатский бассейн вновь возрос интерес к истории со стороны широкой публики.

Развитие специализации науки и формирование отдельных исторических дисциплин повлекло за собой выделение из состава ВИО и образование специализированных научных обществ: Археологического общества (1878 г.); Геральдического и генеалогического общества (1883 г.), однако они остались членами ВИО. В 1889 г. создав свою организацию, покинули Историческое общество этнографы.

Дорота Замойская (Варшава)

Роль российских вузов в формировании профессорского состава высшей школы Второй Речи Посполитой

Почти 67% территории возрожденного в 1918 г. Польского государства составляли земли, еще недавно входившие в состав Российской империи¹. В 1921 г. на них проживало около 15,5 млн. чел.², что составляло приблизительно 57% населения Польши того времени (27,1 млн.). Такой высокий процент бывших российских подданных среди граждан Республики не мог не отразиться и на составе интеллектуальной элиты страны.

В рамках данного сообщения мы предполагаем уделить внимание только профессорам государственных высших учебных заведений. На наш взгляд, этот узкий круг людей (в период межвоенного двадцатилетия к нему можно отнести чуть более тысячи человек) отвечает всем критериям интеллектуальной элиты своего времени. Про-

фессора вузов пользовались не только научным, но и моральным авторитетом, занимали высокое место в общественной иерархии, формировали общественное мнение, а вместе со своими воспитанниками – и облик профессиональной интеллигенции Второй Речи Посполитой.

Для поляков Российской империи получение образования, необходимого для научной карьеры, было сопряжено с гораздо большими трудностями, чем для подданных большинства других национальностей. Ко времени возрождения польского государства на его территории, прежде входившей в состав России, не было ни одного государственного вуза с польским языком преподавания. Поступление поляков в высшие учебные заведения, располагавшиеся во внутренних районах России, постоянно наталкивалось на препятствия административного и материального характера. Учреждения среднего образования (предоставлявшие аттестат зрелости, позволявший продолжить обучение) также были русскоязычными и ориентировались на русскую культуру, что в 1905 году привело к их бойкоту со стороны польской молодежи. Настойчивое вытеснение в царской России польского языка из науки привело к тому, что польская научная терминология могла развиваться только на польских землях в составе Австрии, и то под влиянием немецкой научной лексики.

В возрожденной Польше, помимо создания трех новых государственных университетов (в Вильно, Варшаве и Познани), где были основаны многие новые кафедры, открылось и нескольких частных вузов (Свободный польский университет, Люблинский университет, Высшая экономическая школа), а также ряд специальных высших учебных заведений (Варшавский политехнический университет, Горная академия, Высшая школа сельского хозяйства). В результате в 1920–1930-е годы научные работники, получившие образование в российских вузах, оказались в польской высшей школе в меньшинстве. Только на кафедрах Виленского университета имели возможность работать ученые с российским образованием, некоторым удавалось получить работу в Варшаве, в то время как вузы Галиции предпочитали принимать на работу своих собственных выпускников. В Познани тоже доминировали выпускники галицийских или западноевропейских университетов. Среди более чем тысячи профессоров, которые вели преподавательскую деятельность в межвоенное двадцатилетие, только 146 получили образование в России, а 64 – на польских землях, находившихся под российской властью³. Особое значение это приобретает в свете того факта, что среди ученых, получивших образование

в Галиции, немало было выходцев с территорий, отошедших к России после разделов Польши.

На формирование персонального состава профессоров Второй Речи Посполитой решающее влияние оказывала сама академическая среда (несмотря на традиционный способ назначения через Совет факультета, в 1919 г. кафедры возглавили исключительно ведущие профессора Варшавского, Университета Стефана Батория в Вильно и частично Познанского университета). На начальном этапе формирования высшей школы независимой Польши определяющее влияние на подбор научных кадров имел воспитанник Киевского университета, профессор Адам Вжосек, в последние годы существования Второй Речи Посполитой – выпускник Киевского политехнического университета, профессор Войцех Святославский. Следует подчеркнуть, что среди польской профессуры межвоенного периода, которой принадлежала прерогатива выдвижения кандидатур для занятия кафедр, доминировали симпатии к национальной демократии Романа Дмовского⁴, что, как представляется, противоречит представлению о ее неприязненном отношении к России.

В этой ситуации принципиальное значение имеет вопрос, почему доля выпускников российских учебных заведений среди профессоров Второй Республики была невелика. Надо ли искать объяснение этому в недостатках фундаментальной подготовки ученых в российских научных центрах или же в других факторах, не связанных с наукой?

Помимо количественного анализа доли выпускников российских вузов в составе профессоров высших учебных заведений Второй Речи Посполитой, необходимо также выявление тех областей науки, где они были наиболее представлены, а также выяснение, какого рода учебные заведения Российской империи (университеты, специальные (профессиональные) учебные заведения) внесли наибольшую лепту в подготовку будущих польских научных кадров.

В российской системе высшего образования большую роль играла традиция отправки молодых ученых на стажировки в западноевропейские учебные заведения. Такими стипендиями пользовались и польские ученые (например, Тадеуш Зелиньский). Была ли эта стажировка только мелким эпизодом в их научной деятельности, или же она оказывала на них влияние не менее значительное, чем сама учеба в российских вузах? Пытаясь ответить на этот вопрос, мы неизбежно столкнемся с проблемой источников. Не все ученые оставили после себя дневники или автобиографии. Да и в случае, когда подобные ис-

точники сохранились, в них не всегда уделяется внимание интересующей нас проблеме. Можно попробовать воспользоваться информацией, содержащейся в анкетах, которые в 1920-х годах прошлого столетия распространило среди польских ученых Министерство вероисповедания и народного образования. В этой анкете, кроме вопросов, касавшихся особенностей учебного процесса и фамилии научного руководителя, был вопрос и об «учителе» – не в формальном понимании (руководитель работы над диссертацией), а в субъективном представлении респондента⁵. Ответ на этот вопрос позволяет сориентироваться, чьими преемниками считали и к какой исследовательской школе относили себя сами ученые.

Данное исследование показывает, в какой степени выпускники российских учебных заведений продолжали интересоваться научной проблематикой, находившейся в центре внимания их «учителей», насколько перенимали их методы и фундаментальные принципы исследования. Было бы естественным исходить из того, что преемственность научных интересов и исследовательских методик учителей – это обычное явление для учеников. Риск ошибиться здесь невелик, однако он касается наиболее выдающихся умов, способных выйти за пределы усвоенных в процессе учебы научно-исследовательских парадигм и поставить перед собой совершенно новые исследовательские задачи.

Помимо исследования конкретных случаев преемственности между российскими научными центрами и их польскими последователями, важным представляется то влияние, которое российское университетское законодательство, а также идеи и традиции российской высшей школы оказали на формирование структуры, системы и традиций польских университетов и вузов межвоенного времени. В связи с предпринимавшимися попытками польских властей подчинить себе высшую школу Польши эта проблематика являлась предметом активной дискуссии и споров, выходявших далеко за рамки научного мира. В этом свете мнение ученых – выходцев из российских вузов – приобрело особое значение.

Не менее интересной была бы и попытка найти ответ на вопрос, могут ли выходцы из учебных заведений бывшей Российской империи рассматриваться как отдельная группа с определенными характеристиками? Осознавали ли они свое отличие, выходящее за границы симпатии к бывшим коллегам по курсу или университету? И воспринимались ли они современниками как отдельная группа? А если да, то какими чертами они наделялись?

Устанавливая свою власть над большей частью территории и населения разделенной Польши, включая и соответствующую область ее образовательного пространства, Россия не только брала на себя моральную ответственность за создание оптимальных условий развития для подчиненного народа, но и получила шанс крепко привязать его к себе посредством введения в сферу своей культуры интеллектуальных элит покоренных народов (это распространялось, впрочем, не только на поляков). Отсюда опосредованной задачей моего доклада будет и ответ на вопрос, насколько Россия смогла этот шанс использовать.

Перевод с польск. Стефании Кочегаровой

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Gawryszewski A. Ludność Polski w XX wieku // Instytut Geografii i Przestrzennego Zagospodarowania PAN. Monografie 5. Warszawa, 2005. S. 25.
- ² Historia Polski w liczbach. Państwo. Społeczeństwo. Warszawa: GUS, 2003. T. 1. S. 358.
- ³ Mycielska D. Drogi życiowe profesorów przed objęciem katedr akademickich w niepodległej Polsce // Inteligencja polska XIX i XX wieku. Studia 2 / red. R. Czepulis–Rastenis. Warszawa, 1981. S. 261.
- ⁴ Mycielska D. Postawy polityczne profesorów wyższych uczelni w dwudziestoleciu międzywojennym // Inteligencja polska XIX i XX wieku. Studia 4 / red. R. Czepulis–Rastenis. Warszawa, 1985. S. 293–335.
- ⁵ Biblioteka Narodowa w Warszawie. Dział Rękopisów i Starych Druków. Akc. 5130.

Анджей Новак (Краков–Варшава)

Дмитрий Философов – добрый гений польско–русского сотрудничества в межвоенной Варшаве

Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) – один из наиболее заслуженных, а также, к сожалению, один из забытых деятелей, способствовавших польско–русскому культурному сближению в XX в. Выпускник Петербургского университета, он стал известным литературным критиком русского «Серебряного века». Будучи племянником С.П. Дягилева, (брата его матери Анны Павловны), он уже с юношеских лет вошел в круг культурной элиты российской столицы. Вместе с Дягилевым он создал объединение художников и начал

издавать журнал «Мир искусства», в котором защищал от нападок критиков произведения А.П. Чехова. Он оказал также поддержку начинающим А.А. Блоку и В.В. Маяковскому. Более всего он тяготел к кружку Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус. Относясь резко отрицательно к большевистскому перевороту, на переломе 1919–1920 гг. они приняли решение эмигрировать в Польшу, к ним присоединился и Философов. Здесь он активно сотрудничал с Русским политическим комитетом Б.В. Савинкова (приехавшего в Варшаву по приглашению своего бывшего гимназического товарища Юзефа Пилсудского).

Мережковские покинули Варшаву, Философов оставался в Польше до своей смерти (1940 г.). Он редактировал выходившие в Варшаве газеты «Свобода» (1920–1922), «За свободу» (1921–1932), «Молва» (1932–1934) и двухнедельный журнал «Меч» (1934–1939).

В контексте тематики конференции наиболее интересной представляется роль Философова как организатора интеллектуального общения видных польских и русских деятелей науки и искусства в период с 1920 по 1939 г. Первым из таких объединений польской и русской научной и творческой интеллигенции было созданное в 1920 г. Д.В. Философовым, Каролем Вендзягольским и Стефаном Оссовским Польско–русское товарищество культурного сближения. Формальным председателем товарищества стал граф Стефан Тышкевич, женатый на падчерице великого князя Николая Николаевича. Философов как вице–председатель фактически руководил всей деятельностью товарищества. Вторым вице–председателем стал выдающийся теоретик и философ права, профессор Петербургского (1898–1918) и Варшавского университетов (1918–1931) Леон (Иосифович) Петражицкий, бывший родом из Витебской губернии, учившийся в Киевском университете и стажировавшийся в Германии. С 1898 г. Петражицкий – профессор Петербургского университета.

Спустя годы идеи Товарищества культурного сближения были развиты действовавшим регулярно с 1934 г. историко–литературным обществом, носившим апеллировавшее к Пушкинским образам символическое название «Домик в Коломне». Общество организовывало лекции по русской истории и истории русско–польских отношений, по проблемам культуры и философии. Возглавляли «Домик в Коломне» Д.В. Философов и Е.С. Вебер–Хирьякова (жена известного публициста и литератора А.М. Хирьякова). Общество привлекло к сотрудничеству

---

* А.М. Хирьяков в Польше осенью 1925 г. издавал бюллетень «Русский беженец», в годы эмиграции сотрудничал со многими русскими зару-

ву подлинную элиту польской интеллигенции того времени: Марию Домбровскую, Ежи Стемповского, Юзефа Чапского, Юлиана Тувима, Леона Гомолицкого, Рафала Блота. Оно было настоящим форумом, на котором происходил обмен информацией и мнениями относительно развития культурной жизни и гуманитарных исследований в среде русской эмиграции, а в некоторой степени также и в Советском Союзе.

Аналогичную роль играли и многочисленные публикации Философова в редактировавшихся им периодических изданиях, особенно в таких как «За свободу», «Молва» и «Меч». Его сочинения на историко-литературные темы, например, о пребывании Адама Мицкевича в Одессе и в Крыму, а также о смерти поэта в Турции вызывали живой отклик среди польских исследователей-литературоведов (в их числе были Юлиан Кшижановский и Манфред Кридль).

Продолжавшаяся почти двадцатилетие настойчивая деятельность Д.В. Философова, дававшая возможность польским интеллектуалам знакомиться с научными и культурными достижениями России, и в особенности русской эмиграции, в годы Второй Речи Посполитой заслуживает более подробного рассмотрения. Попытаемся сделать это, опираясь как на архивные материалы, так и на многочисленные публикации. Соответствующие архивные фонды хранятся в т. н. Бахметьевском архиве российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета (Нью-Йорк), в Архиве Гуверовского института изучения проблем войны, революций и мира при Стэнфордском университете, а также в архивах Польши. Изучению подлежат труды самого Философова и его опубликованное наследие как издателя и редактора, а также отклики на его деятельность в письмах и воспоминаниях его польских друзей, в том числе Мариана Здзеховского, Юзефа Чапского, Марии Домбровской, Ежи Стемповского, Кароля Ведзьягольского и др.

Своего рода обязательство способствовать сохранению памяти об этом необычном человеке налагает на меня моя последняя встреча с

беглыми периодическими изданиями: «Зарница», «Слово», «Сеятель», «Борьба за Россию», «Руль», «Русский в Англии» и др. В Польше его материалы публиковались в варшавской газете «За Свободу!», позднее в варшавской «Молве» и в виленской «Наше время». Перу А.М. Хирьякова принадлежат цикл воспоминаний о Л.Н. Толстом, Н.С. Лескове, Д.С. Мережковском, а также зарисовки из жизни в дореволюционной России, рецензии. Он участвовал в «Антологии русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937).

редактором парижской «Культуры» Ежи Гедройцем. Патриарх польской журналистики и политической мысли вспоминал о своих личных встречах с Философовым в довоенной Варшаве, в «Домике в Коломне». Гедройц завещал позаботиться о могиле русского эмигранта, похороненного на православном кладбище на Воле в Варшаве. Призывал также предпринять систематические исследования идейного и организационного наследия Философова как главного деятеля польско–русского сближения. Необходимо приступить к решению этой задачи, хотя бы в скромных пределах возможного.

Перевод с польск. Галины Макаровой

Ян Шумский (Варшава)

**Издание новой трехтомной «Истории Польши»,
написанной с марксистских позиций,
и научные контакты историков СССР и ПНР
в 1950–1958 гг.**

С окончанием Второй мировой войны и с включением Польши в сферу влияния СССР марксистское мировоззрение было распространено и на польскую историческую науку. В связи со спецификой политического строя в СССР ключевое место в определении направлении научных исследований принадлежало коммунистической партии, или строго говоря, отделу науки при ЦК ВКП(б) / КПСС. В Советском Союзе в разные периоды вопросы науки находились в компетенции разных структурных подразделений ЦК (отдела пропаганды и агитации, отдела науки и т. д.). Важнейшие решения принимались на уровне секретариата ЦК, отвечавшего, в частности, и за «научный фронт».

* * *

Польская проблематика в Советском Союзе в 1930–1940-е гг. (В.И. Пичета, М. Джервис). Так называемое «дело славистов». «Прививка» марксисткой идеологии к славяноведению. Академик Н.С. Джержавин и Институт славяноведения в Ленинграде. 1939 год как «перелом» в славистических исследованиях. Создание сектора славяноведения при Институте истории АН СССР. Выдающаяся роль В.И.Пичеты в подготовке новых кадров историков–славистов. Семинар «пичетников». Ученики Пичеты. Целина Бобиньская (Телицина).

Польская тематика семинаров. Вторая половина 1940-х гг. – наброски первого тома «Истории Польши», замыслы его концепции и структуры.

Съезд польских историков во Вроцлаве (VII Всеобщий съезд историков Польши), который проходил 19–22 сентября 1948 г. Роль и место советской делегации. В состав советской делегации входили: П.Н. Третьяков (славянская археология), А.Л. Сидоров (история России эпохи феодализма) и И.И. Удальцов (специалист по Чехии). Отсутствие специалистов по истории Польши. Деление польских историков на три группы согласно классификации профессора Третьякова: 1) историки–марксисты младшего и старшего поколения С. Арнольд, Н. Гонсёровская. Младшее поколение – «левацкие настроения»; 2) колеблющиеся – доброжелательное отношение к СССР, но не марксисты; 3) враждебно настроенные. Третьяков определил в Польше существование двух центров, вокруг которых сгруппировались «реакционные историки» – Краков и Познань. Острая критика со стороны неофициальных членов советской делегации Кобринской (Регина Каплан) и А.М. Панкратовой.

Подготовительная работа по написанию новой версии истории Польши. Подготовленный список «выдвинутых» (для участия в проекте) историков. Характеристики Т. Мантейфеля, В. Кули, Я. Домбровского, А. Ветуляне и других. Встреча в Москве в октябре 1952 г. Определение советской стороной новых направлений и нового видения истории Польши. Создание авторского коллектива для написания «Истории Польши».

Первая методологическая конференция польских историков в Отвоцке. 28 декабря 1951 – 12 января 1952 г. Отчеты и оценка советской делегации (Б.Д. Грекова, Е.А. Косминского, А.Л. Сидорова и П.Н. Третьякова). Корректное поведение российских историков. Переворот в исторической науке в Польше. Встреча советской делегации с руководителями ПОРП и ПНР Б. Берутом и Ю. Цыранкевичем. Создание Института истории ПАН.

Апрель–май 1954 г. Приезд советской делегации во главе с А.М. Панкратовой на консультации по макету «Истории Польши». 11 сентября 1954 г. по просьбе Института славяноведения в Институте общественных наук ПОРП было проведено совещание, посвященное обсуждению рукописи III тома «Истории Польши». 2 ноября 1954 г. – собрание в ЦК ПОРП, на котором присутствовали: Я. Берман, Э. Охав, заместитель руководителя отдела науки ЦК З. Земанкова, Т. Данишевский, профессора: Б. Лесьнодорский, Л. Гросфельд, С. Арнольд. Советскую сторону представлял А.Л. Сидоров. 15 февраля

1955 г. в Москву прибыла делегация польских историков в составе Б. Леснодорского, Ю. Бардаха и С. Арнольда. Встреча на высшем уровне в ЦК КПСС с участием историков России, Украины и Белоруссии.

Работа над польским академическим изданием «Истории Польши». Дискуссия о школьном учебнике для IX–XI классов. Выход в свет I тома «Истории Польши» (до 1764 г.) – коллективного труда под редакцией Т. Мантейфля, Л. Гросфельда, Б. Леснодорского. Оттепель 1956 г. – далее дискуссии в научных изданиях и среди историков. 1956–1958 гг. Ограничение непосредственных контактов историков ПНР и СССР. «Самостоятельность» польских историков (научные и политические факторы).

Перевод с польск. Людмилы Марней

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125 (Управление пропаганды и агитации); Оп. 128 (Отдел международной информации). Оп. 132 (Отдел пропаганды и агитации); Оп. 137 (Внешнеполитическая комиссия).

Российский государственный архив Новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17, 35, 37 (Отдел науки и культуры, науки и учебных заведений); Оп. 28 (Отдел по связям с иностранными компартиями).

Основные проблемы истории Польши (Обсуждение проспекта «Истории Польши» на совещании советских и польских историков в Институте славяноведения АН СССР 3–4 октября 1950 г.). М., 1951.

Горизонтов Л.Е. «Методологический переворот» в польской историографии на рубеже 1940–1950-х годов и советские историки // Славяноведение. 1993. № 6. С. 50–65.

Досталь М.Ю. Владимир Иванович Пичета (1878–1947) // Историки России. Биографии. М., 2001. С. 576–578.

Она же. «Пичетники» на кафедре истории южных и западных славян в МГУ (1943–1947) // История и историки. Историографический вестник. М., 2007. С. 304–317.

Górny M. Przede wszystkim ma być naród. Marksistowskie historiografie w Europie Środkowo-Wschodniej. Warszawa, 2007.

Romek Z. Nauka przeciw ideologii. Współpraca historyków polskich i radzieckich po II wojnie światowej // Dzieje Najnowsze. 2002. № 1.

Idem. Polsko-radzieckie dyskusje o «Istorii Polski w trzech tomach» w latach 1950–1959 // Klio polska. Studia i materiały z dziejów historiografii polskiej po II wojnie światowej / red. A. Wierzbicki. Warszawa, 2004.

Янина Волчук (Вроцлав)

**Советские преподаватели
в Институте славянской филологии
Вроцлавского университета
(1967–1976 гг.)**

Употребленное в заглавии статьи название «Институт славянской филологии» требует небольшого пояснения. 17 августа 1945 г. в возрожденном Вроцлавском университете были восстановлены кафедра восточной филологии и кафедра литературы славянских народов «особенно для изучения русской литературы». Однако Министерство просвещения не открыло их, так как не хватало преподавательских кадров. Основанием вроцлавской русистики послужили две другие кафедры. Кафедру восточнославянского языкознания возглавил 20 декабря 1946 г. профессор Лешек Оссовский, а кафедру российской и других славянских литератур – профессор Мариан Якубец (с 1 июня 1947 г.). Обе они вошли в состав Института польской и славянской филологии и начали преподавание и научную работу 1 октября 1947 г., «прежде всего в области русской филологии». Институт стал первым организованным в Народной Польше центром по изучению русистики». Решением министра просвещения от 2 января 1950 г. обе эти кафедры были объединены в одну – Кафедру российской филологии с двумя отделами: восточнославянского языкознания и истории русской и других славянских литератур. Через двадцать лет (в 1970 г.) кафедра была преобразована в Институт славянской филологии¹.

Первые десятилетия существования русистики во Вроцлаве не изобиловали событиями, свидетельствующими об интенсивном сотрудничестве с заграничными научными центрами, в том числе и с советскими. По имеющимся сведениям, сотрудничество с СССР имело в основном два направления – выезд сотрудников старшего поколения на международные конференции, а также стажировки молодых ученых в Советском Союзе: в Москве и Ленинграде². (Правда, официальные отчеты сохранились в архиве института только за 1975–1976 гг.)

Все советские преподаватели, работавшие во Вроцлаве в течение почти десяти лет, начиная с 1967/68 учебного года, были языковедами. Зарубежных специалистов во Вроцлав направляло министерство и руководство института не могло повлиять ни на подбор кандидатов, ни на сроки их работы. Приглашение специалистов из академических учреждений Советского Союза в указанный период можно

объяснить кадровыми проблемами в Отделе восточнославянского языкознания. В 1964 г. Лешек Оссовский переехал в Познань, и Отдел лишился сотрудника в звании профессора.

Материалы, относящиеся к работавшим во Вроцлавском университете советским специалистам и находящиеся в архиве института в фонде РК-120 «Личные дела», по содержанию можно определить как скромные. Они касаются пяти преподавателей и состоят из документов разного рода. Из бухгалтерских материалов можно установить только время их работы в институте. Сведения о дате и месте рождения, именах родителей приходится разыскивать в некоторых случайных документах, например в страховых свидетельствах. Личные дела содержат немного информации о биографии, профессиональной деятельности и научных трудах «направляемого советской стороной» кандидата для работы во Вроцлавском университете. Так имеются отрывочные сведения о вступлении в должность профессора В.М. Маркова, или о работавших по контракту в должности руководителей отдела доцентах И.Я. Чернухиной, Р.В. Пазухине, М.А. Михайлове и Р.А. Каримовой.

Осенью 1967 г. во Вроцлав прибыл профессор Казанского университета Виталий Марков, сын Михаила и Серафимы, родившийся в Казани 29 марта 1927 г. В Польшу Марков прибыл вместе с женой Зинаидой. В ноябре того же года Министерство науки и образования установило прибывшему специалисту оклад «200% основного оклада штатного профессора, то есть 7 200 злотых ежемесячно и бесплатное проживание. Университет должен был покрывать стоимость проживания на частной квартире до 2 тыс. злотых и в гостинице до 1 тыс. злотых ежемесячно. Профессору Маркову как преподавателю учебного заведения предоставлялась скидка на оплату железнодорожных билетов при предъявлении удостоверения личности, которое выдал университет. В соответствии с соглашением о культурном обмене между ПНР и СССР В.М. Маркову и его супруге предоставлялось медицинское обслуживание»³.

Университет должен был обеспечить приезжающих жильем на первое время. Помощь в поисках подходящих квартир оказывал Жилищный отдел Народного совета. Приезжающих сразу же размещали в двухместных номерах в гостинице, однако, оплата за гостиницу превышала квоты, выделенные министерством, с которым университет должен был согласовывать увеличение расходов. Вскоре было найдено помещение в центре Вроцлава (на Музейной улице), в котором в дальнейшем селили преподавателей, приезжающих из Совет-

ского Союза. Условия работы советских специалистов в дальнейшем оставались неизменными. Только с 1 мая 1973 г. им выплачивали не 200, а 150 % штатного оклада польского специалиста соответствующей должности и звания ⁴.

Восемь месяцев (с 10.10.1967 по 15.06.1968) В.М. Марков работал по контракту в качестве профессора и руководителя Отдела восточнославянского языкознания. Первый номер журнала «*Slavica Wratislaviensia*» торжественно открывала опубликованная статья: «О происхождении глаголов на –анут в русском языке» (№ 1. 1969). Тогдашний директор кафедры российской филологии позитивно оценил пребывание профессора Маркова и отмечал, что «его инициативе, глубокой эрудиции и трудолюбию Отдел обязан своим значительным развитием» ⁵.

После окончания занятий, во второй половине июня, профессор Марков получил (намного раньше) оплату за июль и вернулся домой. В соответствии с письмом, направленным руководством учебного заведения к представителю таможенного управления во Вроцлаве, ему был разрешен вывоз книжек и предметов ежедневного употребления. В августе 1968 г. министерство уведомило университет, что «в соответствии с предложением советской стороны отзывается в связи с окончанием 1967/68 учебного года» профессор Марков, на место которого в сентябре должны были направить нового преподавателя.

Им стала И.Я. Чернухина – доцент Воронежского университета. Родившаяся в Москве 27 января 1939 г. в интеллигентной семье (дочь Якова и Дарьи) Инна Чернухина была выпускницей Воронежского университета по специальности русский язык. Она работала во Вроцлаве два года в должности доцента, возглавляла Отдел восточнославянского языкознания, руководила магистерским семинаром, в котором в период 1965–1970 гг. занимались 16 студентов, специализировавшихся в области польской и русской фразеологии. Характер работы требовал от Чернухиной интенсивного совершенствования собственного владения польским языком, поскольку в личной анкете (от 12.12.1968 г.) она указала, что владеет немецким языком и «польским – слабо» ⁶. В семинаре под ее руководством начинали свой путь в науке в дальнейшем работавший в Институте славянской филологии славист, профессор Ян Соколовский и многие другие высококвалифицированные преподаватели высшей школы. Доцент Чернухина рецензировала магистерские работы и участвовала в экзаменах, за что получила «дополнительное вознаграждение» – несколько сотен злотых сверх штатной зарплаты (в то время 6 тыс. злотых) ⁷. Во время

пребывания во Вроцлаве И.Я. Чернухина опубликовала в польских журналах «*Slavia Orientalis*» и «*Slavica Wratislaviensia*» две статьи: «Проблемы исследования выразительного ряда в русском языке» и «О некоторых разновидностях сложных целых (На материале русского и польского языков)»⁸.

Во главе Отдела восточного и юго-восточного славянского языкознания и русской филологии во Вроцлаве доцента Чернухину сменил очередной представитель советской высшей школы кандидат филологических наук, доцент Ростислав Пазухин. В архиве университета о нем сохранились только отрывочные и противоречивые сведения. В письме от 16 октября 1970 г. министерство извещало руководство университета, что советская сторона направляет во Вроцлав на 1970/71 учебный год специалиста по русской филологии «с возможностью продления пребывания на следующий год»⁹. В анкете от 5 ноября 1970 г. находим информацию о том, что родившийся в Сочи в интеллигентной семье (родители: Виктор и Павла) 16 сентября 1930 г. Ростислав, выпускник Ленинградского университета, филолог со слабым знанием английского, французского, итальянского и испанского языков. Однако в автобиографии, написанной 13 мая 1977 г., Пазухин сообщал, что является выпускником Педагогического института в Ленинграде по специальности «испанская филология»¹⁰. Там же он писал, что четыре года преподавал общее языкознание и руководил магистерским семинаром в университетах Познани, Вроцлава и Гданьска. Не случайно в этом перечне Познань была поставлена на первое место. С 1968 г. Пазухин работал в Университете им. Адама Мицкевича, где и оставался в качестве совместителя после отъезда в 1970 г. во Вроцлав. В 1970–1971 гг. во Вроцлавском университете он не руководил магистерскими семинарами, а читал только лекционные курсы (230 академических часов): «Введение в языкознание» (на первом курсе), специальные курсы по языкознанию (на четвертом и пятом курсах), а также специальные курсы по общему языкознанию (на четвертом курсе и на заочном отделении). Он также курировал работу начинающих преподавателей. Из выданного спустя 13 лет (в 1984 г.) свидетельства следует, что доцент Пазухин работал во Вроцлавском университете с 15 октября 1970 г. до 30 сентября 1971 г., а контракт с ним расторгнут «в соответствии с условиями договора»¹¹.

С 27 октября 1971 г. работу в области языкознания во Вроцлаве продолжил направленный «советской стороной» при посредничестве польского министерства выпускник Московского университета, кандидат филологических наук, доцент Марк Михайлов. Родив-

шийся в 1930 г. в Москве, сын Алексея и Клавдии, перед прибытием во Вроцлав работал с 1957 г. во Владивостокском и Горьковском университетах. Приглашенный сначала на один год, он проработал во Вроцлаве три года. М.А. Михайлов свободно владел немецким и чешским языками и слабо – польским и французским. Во Вроцлаве он подготовил группу магистров по языкознанию, вел активную научную работу: опубликовал монографию и несколько статей в серии «*Slavica Wratislaviensia*» и в «*Studia Rossica Posnaniensia*»¹².

Последней из советских русистов во Вроцлавском университете была работавшая по контракту в 1974–1976 гг. Р.А. Каримова. Из сохранившегося в архиве университета личного дела Розы Каримовой¹³ узнаем, что родилась она в Казани в 1935 г. (дочь Ахмеда и Фатимы), до прибытия во Вроцлав жила в Уфе. Дополнить эти скромные данные позволяет отчет доцента Каримовой уже в период ее работы в Институте славянской филологии Вроцлавского университета. Из него следует, что в Уфе Каримова работала в университете и ко времени приезда во Вроцлав не имела еще докторской степени (степени кандидата наук). Во Вроцлаве она руководила магистерскими семинарами, в частности, в 1975/76 учебном году читала спецкурс «Основные проблемы синтаксиса простого и сложного предложений в современном русском языке», выступала с публичными научно-популярными лекциями, например, в Клубе «Олимпиец» сделала доклад на тему «Академия наук СССР». Она отдала в печать во вроцлавский альманах «*Slavica Wratislaviensia*» статью: «Локальная лексика в памятниках народно-разговорного языка», а также в сборник материалов конференции в Сосновце (1976 г.) статью: «Лексика юго-западной локальной приуроченности в "Надзирателе"»¹⁴.

В дальнейшем (с 1976 г.) во Вроцлавский университет больше не приглашали советских специалистов в области языкознания, постепенно улучшилась ситуация с кадрами и были завершены докторские диссертации, укрепившие позиции вроцлавской русистики в польском научном сообществе. Опыт работы советских преподавателей-лингвистов во Вроцлаве в 1960–1970-е годы свидетельствует, что эта работа не привела к установлению прочных контактов советских и вроцлавских ученых в рамках единого научного сообщества, тогда не было принято ни одного плана совместных исследований. Бесспорно, однако, что этот опыт указывал на расширение личных контактов как между преподавателями, так и между советскими преподавателями и польскими студентами. А это уже само по себе ценный показатель. Появилась возможность взаимного изучения методики преподавания

и обмена опытом педагогической работы. Для приезжавших во Вроцлав языковедов из Казани, Воронежа, Уфы, Москвы, Ленинграда, так и для вроцлавской университетской общественности это была возможность углубления межкультурных контактов, значение которых мы особенно осознаем в наше время. Разумеется, представленный материал из истории научно-культурных контактов на уровне университетского центра (каковым является Вроцлав) есть только фрагмент целого, которое охватывает среди прочих такие формы как посещение лекций, участие в международных конференциях, обмен публикациями, обмен студентами и научными сотрудниками в межинститутских рамках. Интересный материал могли бы предоставить также такие исторические источники как воспоминания и отчеты (научных сотрудников или бывших студентов). Их сохранение и изучение представляется (с польской стороны) важным и не столь уж безнадежным предприятием.

Перевод с польск. Людмилы Марней

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Jakóbiec M. Z dziejów studiów slawistycznych i rusycystycznych w Uniwersytecie Wrocławskim // Rusycystyka Wrocławska 1946–1975. Wrocław, 1976. S. 5–34.*
- ² *Ibidem. S. 15–16.*
- ³ *Archiwum Uniwersytetu Wrocławskiego (далее АУВ). RK–120. Личное дело Виталия Маркова.*
- ⁴ *См.: АУВ. RK–120. Личное дело Марка Михайлова.*
- ⁵ *Jakóbiec M. Op. cit. S. 19.*
- ⁶ *Ср.: АУВ. RK–120. Личное дело Инны Чернухиной.*
- ⁷ *Персональный состав на 1969/70 учебный год. Вроцлав, 1970. С. 9, 14. – АУВ. RK–120. Личное дело Инны Чернухиной.*
- ⁸ *Подробную библиографию см.: Kłębicka W. Bibliografia publikacji pracowników Instytutu Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Wrocławskiego (1947–1974) // Rusycystyka Wrocławska 1946–1975. Wrocław, 1976. S. 126.*
- ⁹ *Персональный состав на 1970/71 учебный год. – АУВ. RK–120. Личное дело Ростислава Пазухина. К. 4.*
- ¹⁰ *Ibid. Автобиографию вместе с другими документами министерство прислало во Вроцлавский университет в 1977 г. в связи с делом о трудоустройстве Р.В. Пазухина, женившегося в 1974 г. на польке и через три года переселившегося в ПНР «для соединения с семьей».*
- ¹¹ *Ibid. К. 24, 25.*

¹² Ibid. Личное дело Михайлова Марка Алексеевича. Краткая характеристика статей Михайлова см.: *Przytulecka M. Przegląd prac językoznawczych pracowników Instytutu Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Wrocławskiego do 1974 roku // Rusycystyka Wroclawska 1946–1975. Wrocław, 1976. S. 49. См. также: Kłębicka W. Op. cit. S. 128, а также №№ 20, 331–333 // *Wołczuk J. Slavica Wratislaviensia. Bibliografia tomów 1–83 (1969–1994) // Slavica Wratislaviensia. 1996. XCII. S. [1–45].**

¹³ AUW. RK–120. Личное дело Каримовой Розы Ахмедовны.

¹⁴ AUW. 184/1. Отчет по случаю начала учебного года. Отдел филологический 1975/76. b.pag.

Лешек Заштовт (Варшава)

**Профессор Юлиуш Бардах в Комиссии историков
Польской и Российской академий наук
(в контексте его научного творчества и
научных интересов)**

В 1986 г. профессор Юлиуш Бардах стал председателем польской части Комиссии историков Польши и России. К этому времени он уже был (с 1983 г.) членом–корреспондентом ПАН, а спустя шесть лет – действительным членом. С российской стороны председателем Комиссии тогда был профессор, чл.–корр. АН СССР Я.Н. Щапов, а его заместителем в 1991–1995 гг. профессор В.А. Дьяков – один из наиболее заслуженных российских историков. Юлиуш Бардах исполнял обязанности председателя польской части Комиссии до 1998 г., когда руководство приняла профессор Виктория Сливовская. В 1992 г. Комиссия сменила название на Комиссию историков Польской и Российской Академий наук (теперь Комиссия историков Польши и России).

Конец 1980-х гг. и первые годы после социально–политических трансформаций в Польше и России были трудным периодом в отношениях между двумя государствами не только с точки зрения изменяющихся внешних условий в международной политике, но и также по причине внутренней политической ситуации в обоих государствах. В Польше после отмены в 1983 г. военного положения воцарилась напряженная социальная атмосфера и серьезный экономический кризис, усугублявшийся опасением возврата только что прекратившихся систематических репрессий против оппозиции. В

России в результате августовского путча 1991 г., прихода к власти Бориса Ельцина и распада СССР ситуация осложнялась прежде всего экономическими проблемами, нарастающей социальной нестабильностью и недееспособностью государственного аппарата.

Период с 1986 по 1998 гг. делится на два этапа: первый – до 1989–1991 гг. и второй – после 1989–1991 гг. В это время главной задачей председателей польской и российской частей Комиссии было ее сохранение. Комиссия непрерывно работала с конца 1950-х гг.^{*}, имела свои традиции, немалые достижения, воплощенные в опубликованных трудах. В то же время она была de facto одной из важнейших платформ польско–советских и польско–российских контактов ученых–историков.

Польская академия наук, возлагая на профессора Бардаха выполнение обязанностей сопредседателя Комиссии, ожидала, что именно этот человек сможет руководить ей в сложный политический период «бури и натиска». Считается, и не без основания, что научный авторитет Ю. Бардаха и его политическая позиция в первой половине 1980-х гг. могли способствовать решению поставленной задачи и сыграли позитивную роль в условиях протекавших кардинальных перемен. Обращает на себя внимание и признание вклада Ю. Бардаха в науку, а также уважение, которым он пользовался в международном научном сообществе. Он был членом ряда иностранных академий и международных научных организаций: Accademia Nazionale dei Lincei (1974 г.), Accademia Mediterranea delle Scienze (1982 г.). В 1980–1985 гг. Ю. Бардах был председателем Международной комиссии по славяноведению (Commission International des Études Slaves) при Международном комитете исторических наук – МКИН (Comité International des Sciences Historiques – CISH), затем ее почетным председателем. В 1970–1980 гг. он являлся почетным вице–президентом Международной комиссии по изучению народного представительства и парламентаризма (Commission International d’Histoire des Assemblées d’Etats et du Parlamentarisme). Многие годы был членом Ассоциации истории права в Париже (Société d’Histoire du Droit) и членом бюро Общества институциональной истории Жана

---

* Комиссия историков России и Польши была основана в 1965 г. В работе Комиссии нашли творческое развитие традиции сотрудничества советских и польских историков и их совместные проекты, начатые еще в 1950-е годы, на что и указывает автор (*Прим. переводч.*).

Бодэна в Брюсселе (Société International d'Histoire du Droit Comparé Jean Bodin).

Отличительной чертой характера Ю. Бардаха было уважительное отношение к людям и следование академическим традициям. Несмотря на его связи с правящими верхами ПНР, он по складу характера и стилю общения, а также в восприятии окружающих был и оставался прежде всего профессором «предвоенного» склада, который в равной мере с уважением относился и к коллегам, и к начинающим молодым ученым.

Ю. Бардах всегда находил время, чтобы поблагодарить за присланные ему книги, которые как правило не оставлял непрочитанными (NB!). Всегда отвечал на письма (это было время, когда электронная почта не получила еще такого повсеместного распространения). Независимо от политических взглядов его ценили в научном сообществе, что нашло выражение, в частности, в приеме его в 1982 г. в члены Варшавского научного общества, возобновившего годом ранее свою деятельность и составлявшего в то время своего рода оппозицию alter ego Польской академии наук. В том же году он стал почетным членом Польского исторического общества, вице-президентом которого был в 1960–1966 гг. Символическим актом признания выдающихся заслуг Ю. Бардаха перед польской наукой стало его избрание в 2008 г. вместе с профессором Барбарой Скаргой почетным членом Варшавского научного общества.

С точки зрения роли Ю. Бардаха как руководителя Комиссии имели значение не только его место и авторитет в научном сообществе Польши, но, прежде всего, его контакты с историками СССР и России. Для того, чтобы понять, как строились и в какой атмосфере развивались эти отношения, необходимо обратиться к биографии Ю. Бардаха.

Юлиуш Бардах родился 2 ноября 1914 г. в Одессе, тогда цветущем портовом городе Российской империи, в семье врача-стоматолога. В 1933 г. он окончил гимназию им. Николая Коперника во Владимире Волынском, а затем переехал в Вильно, где в 1933–1939 гг. учился на факультете права и общественных наук Университета Стефана Батория. В годы учебы в университете Ю. Бардах участвовал в семинаре профессора Стефана Эренкрейца по истории государства и права Литвы, а также посещал семинары по средневековой истории профессора Генрыка Ловмянского и доцента Виктора Сукенницкого по истории государства и права в СССР в Школе политических наук и научно-исследовательском институте

Центральной и Восточной Европы в Вильно. Степень магистра он получил накануне Второй мировой войны, в июне 1939 г. В то время ему было 25 лет.

В студенческие годы Ю. Бардах был связан с Польской социалистической партией. В 1933–1939 гг. участвовал в университетском Союзе независимой социалистической молодежи, в Организации молодежи университетского общества рабочих, с 1935 г. был членом ППС (до 1948 г., затем в ПОРП). В 1938–1939 гг. был редактором местного издания «Рабочего» («Robotnika»).

Вторая мировая война застала Ю. Бардаху в Вильно, вдали от родной Одессы, где в 1942 г. от рук гитлеровских оккупантов погибли его родители и сестра. Из оккупированной Литвы он перебрался в СССР, где в ноябре 1943 г. вступил в I корпус Войска Польского. В рядах I Польской Армии он прошел всю войну. В 1946–1948 гг. полковник Ю. Бардах – польский военный атташе в Москве. После возвращения на родину он работал в Госплане ПНР, преподавал историю в Академии Генерального штаба и в Школе политических наук. В июле 1950 г. был уволен в запас. Его докторская диссертация по истории литовского права XV–XVI вв., написанная еще в Вильно и опубликованная отдельным оттиском в 1938 г., была издана годом позже в «Известиях исследований истории литовского права Университета Стефана Батория» (Вильно, 1939). После войны, в 1948 г., Ю. Бардах защитил ее в Ягеллонском университете в Кракове.

С 1950 г. Юлиуш Бардах работал на юридическом факультете (с 1969 г. – факультете права и администрации) Варшавского университета, с 1960 г. – профессор, с 1969 г. – руководитель кафедры истории польского государства и права, в 1981–1985 гг. Был председателем Ученого совета Института. Одновременно Ю. Бардах работал в Польской академии наук, в которой был тесно связан с двумя институтами: с Отделом истории государства, права и юридических наук ПАН (1953–1956), затем с Юридическим институтом (1956–1961). В 1957–1959 гг. он был заместителем директора Юридического института ПАН. В 1961–1969 гг. он возглавлял Отдел истории государства и права в Институте истории ПАН.

Научные интересы профессора были связаны, прежде всего, с проблемами истории государства и права, особенно литовского. Его важнейшая и до сего дня используемая на занятиях в университете однотомная история польского государства и права, соавторами которой были Богуслав Лесьнодорский и Михал Петшак, переиздавалась шесть раз (последний в 2009 г.). В 1980 г. она была

опубликована в русском переводе в Москве. Тогда же состоялось обсуждение российского издания книги.

Наряду с работами по Средневековью, которое было главным направлением научного творчества Ю. Бардаха, его интересы постепенно эволюционировали в сторону истории XIX столетия и Новейшей истории. С другой стороны, вместе с исследованиями о Литве и по истории Великого Княжества Литовского, появлялись труды, непосредственно относящиеся к российской истории. Сначала это были рецензии, мемориальные заметки и очерки, посвященные выдающимся русским историкам, например, С.В. Юшкову и Б.Д. Грекову, а также критический анализ изданной в 1954 г. в Москве «Истории Польши». Из-под пера Ю. Бардаха вышли статьи и рецензии на труды российских историков о Польско-литовском государстве и Руси, написанные В.Д. Королюком, В.И. Пичетой, В.А. Романовой и А.Л. Хорошкевич и др. Постепенно появлялись рецензии и на работы, которые по своему характеру являются воспоминаниями, например, отклик на воспоминания Н.М. Дружинина, юбилейные книжки, а также критическое обсуждение российских работ по истории государства и права.

В 1976 г. профессор опубликовал в Москве статью о литовских статутах. Одновременно в Польше появилось несколько его рецензий новых российских работ. Через два года статья на тему третьего Литовского статута 1588 г. вышла в юбилейном издании, посвященном академику В.И. Пичете. Можно подчеркнуть, что упрочившиеся в 1960–1970-е гг. контакты профессора Ю. Бардаха с российскими историками способствовали широкому введению в научный оборот его трудов не только в Польше, но и в СССР, где его начали трактовать как одного из значительных польских историков, с мнением и взглядами которого считались в академической среде. Все это послужило фундаментом разносторонней и успешной работы Юлиуша Бардаха во главе Комиссии историков Польской и Российской академий наук до 1998 г., когда профессор Бардах оставил свой пост. Источниками для изучения этого направления его многогранной деятельности могут в частности послужить его публикации на русском языке, принадлежащие также и российской историографии, а также рукописи, фрагменты работ и переписка Ю. Бардаха с российскими коллегами, хранящаяся в архиве ученого.

Перевод с польск. Людмилы Марней

С.М. Фалькович (Москва)

О формах научного сотрудничества историков–полонистов России с польскими учеными (вторая половина XX – начало XXI вв.)

Связи ученых России и Польши имеют давние традиции. Этому способствовали как славянская языковая близость и географическое соседство, так и перипетии истории – близкой, а порой и общей. Когда Королевство Польское было частью Российской империи, многие польские ученые работали в российских университетах, и русские исследователи истории Польши тесно общались с польскими коллегами. Эта *форма личного общения*, самая давняя и естественная, сохранялась в течение столетий и сейчас является одной из основных в российско–польском научном сотрудничестве. Историки двух стран обсуждают вопросы прошлого Польши и России, обмениваются мнениями и документальными свидетельствами при личных встречах и путем переписки. Они имеют возможность также представить свое видение той или иной проблемы на страницах печати соседней страны. *Публикации статей* российских исследователей в польской научной периодике и польских историков в российских журналах, таких как «Славяноведение», «Вопросы истории» и др., являются нормой и представляют собой распространенную форму научных связей, тем более, если учесть, что нередко в состав редколлегии того или иного научного периодического издания входят специалисты из соседней страны. Для России и Польши такая форма взаимоотношений является обычной. Более редкой является *издание в Польше или России переводов монографий* специалистов из соседней страны.

Весьма распространена также форма *взаимного рецензирования*, причем рецензии появляются в печати не только на уже опубликованные зарубежными коллегами труды, но и существует практика, когда еще до публикации запрашивается мнение того или иного историка о подготовленной к печати работе. Такие отзывы на труды, подготовленные в Институте славяноведения РАН, нередко давал профессор Стефан Кеневич. Подобные рецензии давались и коллективами специалистов, которые проводили широкое обсуждение представленного зарубежными коллегами проспекта будущей работы или уже написанного текста. В частности, такое обсуждение проводилось историками–полонистами Института славяноведения РАН в отношении представленной профессором С. Кеневичем «Истории Польши». В целом же форма взаимного обсуждения научных трудов является

широко распространенной, если речь идет об обсуждении уже опубликованных исследований. Так, несколько лет назад в Москве состоялось обсуждение новой «Истории Польши», написанной М. Тымовским, Я. Кеневичем и Е. Хольцером, переведенной на русский язык и изданной в Москве. В обсуждении принимали участие ведущие специалисты из институтов Российской академии наук – Института российской истории и Института славяноведения, а также Московского государственного университета. Среди его участников были сотрудники Посольства Польской Республики в Москве, а его организатором выступал также Постоянный представитель ПАН Эугенюш Дурачиньский. Учреждение в 1995 г. *должности Постоянного представителя ПАН в России и РАН в Польше* означало не только рождение новой формы сотрудничества, но и обеспечивало его стабильность и более высокий уровень.

Задачу сохранения и непрерывного развития научных связей историков двух стран призвана решать Комиссия историков России и Польши, основанная в 1965 г. *Работа Комиссии* представляла собой форму координации основных направлений исследований и актуальных исследовательских задач. Проходили регулярные встречи российских и польских членов Комиссии, как правило, крупных специалистов, формулировались планы, устанавливались сроки их выполнения. Результатом становились конференции и симпозиумы, проходившие попеременно в России и Польше, причем в различных городах этих стран – в научных центрах, которые тем самым втягивались в орбиту научного сотрудничества. Материалы конференций публиковались и становились достоянием научной общественности обеих стран. Политические осложнения и финансовые проблемы затрудняли работу Комиссии, но никогда не могли ее приостановить. На сегодняшний день состоялось около 40 конференций, организованных Комиссией историков России и Польши, их тематический и проблемный охват впечатляет.

В целом такая форма сотрудничества, как *совместные научные конференции, симпозиумы, семинары*, является весьма популярной. Научные заседания проходят под эгидой как Комиссии историков России и Польши, так и Постоянного представительства Польской Академии наук в Москве. В последнее время его руководитель Постоянный представитель ПАН профессор Мариуш Волос принял участие в организации и проведении конференций на базе академических учреждений – Института славяноведения, Института российской истории, Института истории зарубежных стран, а также на базе ряда уни-

верситетов в российской провинции. Кроме того, научные учреждения России и Польши сами организуют тематические конференции и симпозиумы, широко объявляют о них через Интернет, шлют приглашения зарубежным специалистам. В последние годы такая форма организации научных форумов становится все более распространенной, а их материалы публикуются.

Все это помогает российским и польским историкам, занимающимся близкими проблемами, узнавать друг о друге, устанавливать личные связи. Способствует этому и участие специалистов России и Польши в международных мероприятиях, например, в таких форумах, как *международные съезды славистов*. В частности в 1970 г. съезд славистов проходил в Москве, и тогда многие польские историки имели возможность познакомиться с российскими коллегами. Также большая роль принадлежит *съездам польских ученых* с участием иностранных гостей, регулярно организуемым польским Национальным комитетом историков. На съездах польских историков с докладами о российских исследованиях прошлого Польши выступала С.М. Фалькович, в частности, историографическим проблемам был посвящен ее доклад на последнем съезде 2009 года. Заинтересованность польских историков в таком участии наглядно доказывает тот факт, что в 2007 г. был организован *съезд в Кракове специально для иностранцев*, занимающихся проблемами польской истории, и эту форму предполагается развить в дальнейшем, приглашая иностранных специалистов по определенной проблематике.

Одним из важнейших преимуществ международного научного сотрудничества является объединение усилий вокруг решения крупных исследовательских задач. Ученые России и Польши постоянно имеют в виду эту цель, используя форму *совместной подготовки научных трудов*. В 1950-е гг. ими была проведена совместная работа по выявлению и публикации документов и материалов, касающихся истории национально-освободительного и революционного движения народов России и Польши. *Совместные публикации исторических источников и связанных с ними исследований* стали одной из важнейших форм сотрудничества историков, работающих в институтах Польской и Российской академий наук. Ярким примером может служить 25-томное издание «Восстание 1863 года. Документы и материалы». Другая совместная документальная публикация в 12 томах была посвящена советско-польским отношениям, причем в России и Польше тома выходили параллельно соответственно на русском и польском языках. В ряде случаев совместная публикация документов

и исследовательских материалов объединялись в одном серийном издании, как это было, в частности, в серии «Польское общественное движение и литературная жизнь в 30–50-е гг. XIX в.». Наряду с этим выходили многочисленные сборники статей российских и польских авторов, а кроме того, исследования, построенные по типу коллективных монографий, где главы, последовательно посвященные определенным хронологическим этапам в развитии той или иной исторической проблемы, были написаны российскими и польскими историками. Такой монографией являлись, например, «Очерки истории советско-польских отношений. 1917–1977», а также двухтомный труд «СССР и Польша. Интернациональные связи – история и современность», вышедший из печати одновременно в Москве и Варшаве. При этом в польском издании книги вместо слова «связи» был использован термин «сотрудничество (*współpraca*)». Такая терминологическая замена была не случайной. Развитие взаимоотношений российских и польских ученых привело к тому, что именно сотрудничество стало их определяющей характеристикой. Данное сотрудничество постепенно приобретало *институциональную* форму, рамки которой во все большей степени определяли соглашения между академиями наук и академическими институтами двух стран. *Двусторонние соглашения* были, как правило, долгосрочными, и по мере необходимости этот срок мог быть продлен. Они имели целью всестороннее изучение важной комплексной проблемы. Например, ныне действующий Протокол к Соглашению о сотрудничестве между Российской и Польской академиями наук предусматривает разработку широкого круга вопросов, связанных с общей темой «Поляки в Российской империи и Советской России в XIX–XX вв.», сложной в проблемном отношении и объемной по временному охвату. В рамках системы соглашений между нашими академиями и их институтами осуществляются как коллективные мероприятия – заседания редколлегий, симпозиумы, конференции, так и индивидуальная работа участников конкретных научных проектов. В частности, сотрудники академических учреждений обеих стран имеют возможность выезжать по *безвалютному обмену* соответственно в Польшу или Россию для работы в архивах и библиотеках с целью сбора материала, необходимого для подготовки индивидуальных и коллективных трудов по основным комплексным проблемам российской и польской истории. Пребывание исследователя в стране, прошлое которой он изучает, возможность непосредственно ознакомиться с историческими местами, с памятниками культуры и культурой современной, с повседневной жизнью народа и кон-

кретно окружающими его людьми – не только с коллегами-историками – все это закладывает основу для лучшего понимания страны, нации и ее истории.

В этой связи необходимо подчеркнуть огромное значение еще одной формы научных связей, хотя правильнее было бы назвать ее залогом будущего научного сотрудничества России и Польши. Речь идет об *обучении польских студентов в российских, а русских в польских вузах*. Эта практика возникла в 1950–1960-е гг. и дала прекрасные результаты: все положительные факторы, перечисленные выше и касающиеся пребывания уже сформировавшихся ученых в стране, прошлое которой они изучают, в полной мере относятся к молодежи, и их значение должно быть еще усилено, учитывая длительный срок пребывания на учебе, а главное, менталитет юности, эмоциональность, восприимчивость, открытость всему новому и передовому. Таким образом, развитие всесторонних контактов и связей между молодыми поколениями вступающих на поприще науки ученых России и Польши обеспечивает подготовку кадров для будущей совместной работы историков–полонистов. Эта форма научного обмена позволяет молодым ученым осваивать источниковую базу истории страны – предмета своих специальных интересов – а также знакомиться с накопленными наукой материализованными формами научного знания: архивными, библиотечными, музейными собраниями и другими памятниками истории и культуры России и Польши, не говоря уже о возможности обучения и научных консультаций у выдающихся специалистов или совершенствования владения русским и польским языками. Научное сотрудничество России и Польши сформировало уникальный человеческий потенциал, который в решающей степени служит основой для будущей совместной работы по исследованию масштабных проблем российской и польской истории. Успех этой работы зависит, в том числе, от развития и совершенствования многочисленных и разнообразных форм научного сотрудничества.

М.А. Крисань (Москва)

**Инициативы
последипломного гуманитарного образования
в Польше после 1989 г.**

Начиная с 1990-х годов на постсоветском пространстве осуществляется ряд проектов, связанных с реформой высшего образования. Одним из них стало создание по инициативе Дж. Сороса Центрально-европейского университета в Будапеште. Аналогичный опыт интернационального сотрудничества в сфере гуманитарного образования имеется и в других странах.

В Польше за последние 20 лет предпринимаются шаги, направленные на преобразование существующей системы высшего образования как в самой Польше, так и на постсоветском пространстве. Особый интерес, по нашему мнению, представляют образовательные центры, созданные при Польской академии наук и при Варшавском университете, как сами по себе, так и с точки зрения сравнения подходов к решению отмеченной задачи академическим и университетским сообществами. Речь пойдет о Школе общественных наук, созданной при Институте философии и социологии Польской академии наук, о Центре исследований Восточной Европы Варшавского университета, а также о Международной гуманитарной школе Центра исследований античной традиции Варшавского университета.

Школа общественных наук была создана в 1992 г. как международная аспирантская программа. Автором этого проекта и основателем школы был профессор Стефан Амстердамский. Его инициатива была поддержана группой ученых – философов, социологов, юристов, экономистов, психологов и политологов, которые работали в разных институтах Польской академии наук и польских ВУЗах. Основатели Школы считали, что существующая система аспирантского образования зачастую сводится к индивидуальной работе аспиранта со своим научным руководителем, что приводит к ограничению кругозора молодых ученых. Школа не пыталась и не пытается составить конкуренцию существующим аспирантурам, она предлагает получение интердисциплинарного образования. Важно то, что на протяжении уже почти 20 лет в рамках Школы прошли обучение сотни выпускников российских ВУЗов. Школа предоставляет стационарную четырехлетнюю аспирантуру.

Центр исследований Восточной Европы Варшавского университета возник в 1990 г. при Институте ориенталистики Варшавского

университета. С самого начала целью Центра было изучение стран постсоветского пространства. С 1992 г. Центр стал ежегодно организовывать «Восточную летнюю школу» для молодых ученых–гуманитариев из Центральной и Восточной Европы. Это образование также носит междисциплинарный характер, хотя в отличие от представленного выше проекта, оно ограничено исследованием постсоветского пространства. С 2002 г. была запущена программа двухлетнего магистерского образования. Директором Центра является Ян Малицкий. Эта инициатива также способствует увеличению притока студентов, выпускников российских ВУЗов, которые обязательно являются профильными полонистами.

Международная гуманитарная школа Центра исследований античной традиции Варшавского университета связана с именем ее основателя и бессменного директора профессора Ежи Аксера. В отличие от перечисленных выше программ, эта Школа видит свою цель в изучении средиземноморской традиции в Центральной и Восточной Европе, в необходимости консолидации гуманитариев во имя построения гражданского общества. Поскольку именно от гуманитариев зависит поддержание традиции, развитие исторической памяти, формирование общественного мнения в странах региона. Школа выступает за либеральное образование и стремится к повышению его уровня. Первая сессия Школы прошла во Львове в 1996 г. Школа стремится к сотрудничеству с научными и учебными центрами в странах региона. В России она сотрудничает с Институтом гуманитарных историко–теоретических исследований Государственного университета – Высшей школой экономики, Ростовским государственным университетом и рядом других научных и образовательных учреждений России.

Перечисленные инициативы направлены не только на повышение уровня образования в Центральной и Восточной Европе, но также на развитие и расширение контактов между молодыми учеными и студенчеством разных стран. Это особенно важно в условиях, когда после распада СССР многие научные связи оборвались в немалой степени по финансовым причинам стали невозможными обмены студентами, языковые практики. Подобного рода программы дают возможность расширения кругозора, создают условия для высокого уровня научной деятельности и, несомненно, способствуют, в том числе и российско–польским научным связям.

Мариуш Волос (Торунь–Москва)

**Постоянный представитель
Польской академии наук
при Российской академии наук в Москве:
история, современность, планы на будущее**

Представитель ПАН при РАН в Москве (Представительство учреждено в 1995 г.) – один из шести заграничных представителей Польской академии наук, возглавляющих зарубежные научные центры ПАН. Наряду с Москвой, аналогичные центры действуют в Париже, Риме и Вене, а также Центр исторических исследований в Берлине и Бюро научной информации (Biuro Promocji Nauki) в Брюсселе. Задачей постоянного представителя ПАН при Российской академии наук является представление польской науки в Российской Федерации, пропаганда достижений польских ученых, содействие в развитии польско–российских научных связей и в реализации совместных научных проектов¹.

Первым представителем ПАН в Москве был профессор Адам Урбанек, выдающийся палеонтолог, действительный член ПАН и иностранный член Российской академии наук². Его сменил в сентябре 1999 г. выдающийся историк, исследователь истории XX столетия Эугениуш Дурачиньский, ставший одним из организаторов уникального польско–российского научного форума: «Дней польской науки в России», впервые состоявшихся 13–18 октября 2001 г. и прошедших под патронажем и с личным участием президентов России и Польши. В 2005–2006 гг. функции постоянного представителя ПАН при РАН и одновременно директора Научного центра в Москве исполнял профессор Станислав Ракуса–Суцевский – выдающийся биолог, океанолог и основатель польской полярной станции им. Генрыка Арцтовского. Его преемником в течение года был физик–термодинамик, доктор Зыгмунт Никодем. С 1 августа 2007 г. должности постоянного представителя ПАН при РАН и директора Научного центра ПАН в Москве стал исполнять автор статьи – историк, специализирующийся по истории дипломатии в XX столетии³.

Важнейшими мероприятиями Постоянного представительства в 2008–2010 гг. стали: участие в подготовке и проведении «Дней польской науки в России» (2008 г.), приуроченных к 50-летию Соглашения о сотрудничестве между Польской и Российской академиями наук; постоянно действующий научный семинар «Польша и Россия: в поисках взаимно-

понимания» с участием ряда российских, польских и иностранных научных и общественных организаций, а также ВУЗов; Седьмая международная научно–практическая конференция «Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития», посвященная 90-летию Омского государственного аграрного университета; научная конференция «Историческая память: Катынь» и целый ряд других польско–российских и многосторонних международных семинаров и симпозиумов с участием ведущих польских ученых, а также политических и общественных деятелей.

Организация всесторонней польско–российской научной дискуссии и популяризация достижений польской науки в России отнюдь не единственное направление деятельности постоянного представителя Польской академии наук в России. Польская академия наук ставит перед своим Центром в Москве важную задачу способствовать созданию прочного фундамента научного сотрудничества между польскими и российскими учеными. Для ее решения разработан и осуществляется комплекс мероприятий на всех уровнях и по всем направлениям сотрудничества наших академий. В последнее время выдвинута новая инициатива, которая будет, по нашему мнению, реализована в будущем – разработка и подписание соглашения между Польской академией наук и Российским гуманитарным научным фондом. Его главная цель состоит в том, чтобы, основываясь на гуманистических принципах и демократических ценностях, институционально и материально поддержать польских и российских исследователей, а особенно тех ученых, которые будут реализовывать совместные исследовательские проекты или готовить совместные публикации. Подобная инициатива, что особенно хотелось бы подчеркнуть, была высказана российской стороной. Постоянный представитель провел первые переговоры по вопросу подписания соглашения между ПАН и Российским гуманитарным научным фондом.

Важным направлением нашей работы и существенной перспективной задачей, реализация которой требует большего времени, будет создание в Москве польской научной библиотеки. Удивительный факт, что в российской столице пока нет подобного типа учреждения. Ведь научные контакты между польскими и российскими учеными сильно развиты, а число россиян, владеющих польским языком, достаточно велико. Об интенсивности польско–российских научных контактов лучше всего свидетельствует то, что около трехсот ученых из Российской академии наук ежегодно отправляются в научную командировку, на стажировку или на конференции в Польшу. Открытие

польской научной библиотеки в Москве – не простое и не легкое предприятие. Оно требует как материальных (помещение), так и финансовых (покупка книг и текущие расходы) средств. Однако важно начать эту работу.

Не будет преувеличением сказать, что за короткий период постоянный представитель Польской академии наук при Российской академии наук и руководимый им Научный центр ПАН в Москве уже заняли в настоящее время существенное и важное место в сфере польско–российских научных контактов. За несколько лет существования институции, которой посвящена настоящая статья, акцент был сделан на развитие гуманитарных наук, не забывая при этом о других научных областях и дисциплинах. В полной мере оценка проделанной работы – дело будущего. Однако уже сейчас можно сказать, что поскольку большинство ученых, возглавлявших представительство, являются гуманитариями, а точнее историками, то они *ipso facto* и определили ритм работы и тенденции развития взаимных контактов. В будущем необходимо по-другому расставлять акценты и избегать преобладания в той или иной степени прикладных, точных или фундаментальных наук.

Прошедшие годы в нашей работе не были свободны от недостатков, однако важнейшим выводом из накопленного опыта является то, что постоянные представители Польской академии наук при Российской академии наук, а также их сотрудники определили направление и внесли вклад в наведение мостов, соединяющих два народа, и тем содействовали формированию атмосферы доброжелательства по отношению к развитию контактов между Польшей и Россией.

Перевод с польск. Людмилы Марней

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Duraczyński E.* Stały Przedstawiciel PAN przy Rosyjskiej Akademii Nauk w Moskwie // Polska Akademia Nauk 1952–2002. Placówki i Komitety. Warszawa, 2002. S. 304; *Nalborczyk N.* Akademia za granicą // Forum Akademickie. 2003. № 6.

² Informator Nauki Polskiej. 2003. T. 4–B: Ludzie nauki. Warszawa, 2003. S. 1059.

³ Prof. Wołos naszym człowiekiem w Moskwie // Gazeta Wyborcza (dodatek regionalny w Toruniu). 23. 08. 2007; Torunianin w Moskwie // Forum Akademickie. 2007. № 10; Toruński naukowiec szefem PAN w Moskwie // Gazeta Pomorska. 24. 08. 2007.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

От составителей	3
Макарова Г.В. (Москва) Реформы системы образования в Российской империи в начале XIX в. и ее польская составляющая	6
Барбара Ендрыховская (Вроцлав) Между лояльностью и порядочностью. Школьная администрация под управлением императорского Виленского университета (Свислочь 1824–1825 гг.)	10
(перевод с польск. О. Каштановой)	
Марней Л.П. (Москва) Специальное и профессионально–техническое образование в России и Королевстве Польском в первой половине XIX в.	13
Хаванова О.В. (Москва) Инженерные науки и социальная мобильность в Венгрии рубежа XVIII–XIX вв.: к постановке проблемы	21
Веслав Цабан (Кельце) Поляки в российских военно–учебных заведениях в XIX веке. Мотивы поступления и карьеры	25
(перевод с польск. О. Каштановой)	
Кшиштоф Лятавец (Люблин) Институт в Новой Александрии и развитие традиций польской технической высшей школы в последней трети XIX– начале XX вв.	28
(перевод с польск. Л. Марней)	
Кирилина Л.А. (Москва) Проблема словенизации начального и среднего образования в словенских землях в конце XIX – начале XX вв.	30
Калина Бартницкая (Варшава) Польские и российские университеты на рубеже XVIII и XIX веков на европейском фоне (размышления)	35
(перевод с польск. О. Каштановой)	

Францишек Новиньский (Гданьск) Поляки в Петербургском университете накануне Восстания 1863 года ..... 39 (перевод с польск. Г. Макаровой)	39
Иоанна Шиллер (Варшава) Императорский Варшавский университет в системе российских университетов ..... 43 (перевод с польск. О. Каштановой)	43
Ян Трынковский (Варшава) <i>Paradisus animae</i> . Дерптский (Тартуский) университет в воспоминаниях польских студентов ..... 47 (перевод с польск. С. Кочегаровой)	47
Андрей Тихомиров (Гродно–Варшава) Историографическая школа М.О. Кояловича в контексте польско–российских отношений ..... 48 (перевод с польск. С. Кочегаровой)	48
Ирэна Водяновская (Люблин) Конфессиональные отношения в Речи Посполитой на рубеже XVI–XVII веков в работах П.Н. Жуковича ..... 51 (перевод с польск. С. Кочегаровой)	51
Антоний Кучиньский (Вроцлав) Состояние и задачи польско–российского сотрудничества в области изучения научной деятельности поляков в Сибири ..... 54 (перевод с польск. Г. Макаровой)	54
Виктория Сливовская, Рене Сливовский (Варшава) Польские ссыльные в первой половине XIX в. – распростра- нители просвещения в Восточной Сибири ..... 59 (перевод с польск. Г. Макаровой)	59
Мария–Магдалена Бломберг (Лодзь) Связи польских ученых с императорским Русским географи- ческим обществом в области археологии в XIX – начале XX века ..... 62 (перевод с польск. М. Крисань)	62

- Ежи Супады** (Лодзь)
Естественнонаучные и антропологические исследования
Юлиана Талько–Грынцевича в конце XIX – начале XX веков
на Украине и в Восточной Сибири и русская наука 66
(перевод с польск. С. Кочегаровой)
- Махмуд Т. Жук** (Варшава)
Польские востоковеды
в русской и советской ориенталистике 68
(перевод с польск. О. Каштановой)
- Желицки Ч.Б.** (Москва)
Венгерское историческое общество
в научной и общественной жизни Венгрии
последней трети XIX века 71
- Дорота Замойская** (Варшава)
Роль российских вузов в формировании профессорского со-
става высшей школы Второй Речи Посполитой 75
(перевод с польск. С. Кочегаровой)
- Анджей Новак** (Краков–Варшава)
Дмитрий Философов – добрый гений
польско–русского сотрудничества
в межвоенной Варшаве 79
(перевод с польск. Г. Макаровой)
- Ян Шумский** (Варшава)
Издание новой трехтомной «Истории Польши»,
написанной с марксистских позиций,
и научные контакты историков СССР и ПНР
в 1950–1958 гг. 82
(перевод с польск. Л. Марней)
- Янина Волчук** (Вроцлав)
Советские преподаватели в Институте славянской филологии
Вроцлавского университета (1967–1976 гг.) 85
(перевод с польск. Л. Марней)
- Лешек Заитовт** (Варшава)
Профессор Юлиуш Бардах в Комиссии историков
Польской и Российской академий наук (в контексте
его научного творчества и научных интересов) 91
(перевод с польск. Л. Марней)

Фалькович С.М. (Москва)

О формах научного сотрудничества
историков–полонистов России с польскими учеными
(вторая половина XX – начало XXI вв.) **96**

Крисань М.А. (Москва)

Инициативы последиplomного гуманитарного образования
в Польше после 1989 г. **101**

Мариуш Волос (Торунь–Москва)

Постоянный представитель Польской академии наук
при Российской академии наук в Москве:
история, современность, планы на будущее **103**
(перевод с польск. Л. Марней)

Научное издание

**Академии наук Польши и России,
университеты, высшая школа,
научные учреждения и общества:
история польско–российских отношений
в сфере науки**

Тезисы

Москва 2010

Подписано в печать 26.10.2010. Объем 7 п.л.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в ООО «Акроматик»

